VISIT…

ГЛАВА 1

По лагерю бегал поддатый Минотавр и орал: «Тхя! Тхя! Тхя!» Мимо шли обедать десантники. Минотавр выскочил на них из-за палаток и, глядя поверх голов, рявкнул:

- Тхя!!!

Десантники резко прибавили ходу.

Десантура нас побаивалась. Мы ее еще летом основательно сбили с толку. На каждом полигоне сотня ненормальных самоходчиков изумляла своими дикими выходками целый лагерь, где собиралось полторы тысячи человек - все ракетные войска и артиллерия окружного подчинения. С нами было не соскучиться, и нас было не переплюнуть. Даже когда противотанкисты зачем-то начали стрелять поверх лагеря, адский свист над головой никого не впечатлил. Зато все обсуждали, как самоходчики гонялись на минометe за грузовиком с десантниками, старательно делая вид, что вовсе не хотят его задавить своей тридцатитонной гусеничной дурой.

А теперь наша Бригада Большой Мощности распоясалась окончательно.

Минотавр неспроста озверел. Было так. Вычислитель Саня Вдовин стоял в наряде и отчаянно скучал на посту. Сначала развлекался тем, что затыкал варежкой трубу «буржуйки» в офицерской палатке и слушал, как там внутри кашляют и матерятся. Потом спустил штаны и навалил офицерам под порог здоровенную кучу. Выразил, так сказать, общее мнение о командирах. Полюбовался на свою, извините за выражение, художественную инсталляцию. И вдруг сообразил: его пост в трех метрах от входа в палатку. И если офицерам кто-то нагадил, то либо дневального не было на месте, либо он сам это и сделал. Вдовин счел за лучшее убежать, но тут из палатки наружу

полез Минотавр и, конечно, наступил в дерьмо.

Марать руки о бывшего младшего сержанта, которому самолично лычки срезал, Минотавру показалось недостойно. И теперь он носился по лагерю в поисках страшного сержанта Тхя, чтобы тот выбил из Вдовина любовь к авангардному искусству. Тхя благоразумно спрятался.

А еще у нас была с собой атомная бомба.

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

просто трагедия

Действующие лица и исполнители:

Командир 3-го дивизиона ББМ майор К. в роли Минотавра.

Командир батареи капитан Масякин в роли капитана Масякина.

Старший сержант Тхя в роли страшного сержанта Тхя.

Установка 2С4 «Тюльпан» и КШМ на базе МТ-ЛБу в роли Оружия Возмездия.

Один младший сержант без классной квалификации в роли Автора.

Солдаты и сержанты 3-го самоходно-минометного дивизиона ББМ в ролях второго плана.

Сначала мы нанесли невосполнимые потери в живой силе и технике каким-то итальянским и турецким дивизиям. Противник сбросил на нас 8-й авиадесантный корпус ФРГ, но мы и его раскатали в блины. Немцев били с особым воодушевлением. Потерь с нашей стороны не было, только навалил в штаны прапорщик Козолуп, случайно угодивший под обстрел. И еще сержант Драгой, мудро говоривший про себя «Я не пенек, я низко срубленное дерево», навел миномет точнехонько на НП, где как раз собралось все управление бригады. А миномет у нас такой, что извини-подвинься, фугаска сто тридцать кило весит, и вероятность попадания с первого выстрела 0,5. То есть одно из двух. Замечательный аппарат. Хорошо, капитан Масякин решил проверить, чего там этот пенек Драгой накрутил на прицеле. Масякин потом долго бегал вокруг миномета, выкрикивая разные слова и размахивая сорванной с брони лопатой, а Драгой из-под брюха самоходки пищал: «Товарищ капитан, я больше не буду!».

Еще пушкари взорваться пытались на собственном снаряде, но не сумели, а то бы мы с НП увидели, как они по воздуху летят вверх тормашками.

И еще наконец-то наши протаранили десантный ГАЗ-66. Достали-таки! Летом мы просто дурака валяли, когда гонялись за ним на миномете, а тут он сам под кашээмку подставился. КШМ это командно-штабная машина, железная и на гусеницах, очень симпатичная. Она поцарапалась слегка, а у «шишиги» полкузова как не бывало.

Ах, да, еще мы с сержантом Андрецовым по ошибке сожрали кастрюлю офицерской вермишели.

Потом мы сожгли караулку.

Потом еще кое-что сожгли.

Потом я подорвался на банке с протухшей тушенкой.

Слава тебе, Господи, потом мы уехали обратно на зимние квартиры.

Долго мы раскачивались в тот раз, четыре недели на полигоне ничего интересного не происходило, и вдруг ББМ с цепи сорвалась, да за три дня столько натворила - до сих пор вспомнить страшно.

Хотя было кое-что, было и до. Но так, по мелочи.

Ну, скучно показалось одному капитану стоять дежурным по части. Так он ночью пошел и своего комдива подполковника Миронова пришил за белье суровыми нитками к матрасу, а потом крикнул: «Тревога!»… А Миронов с майором Кудиновым, два орденоносных «афганца», бегали перед строем, играя в «кто отдавит другу ногу», и чуть не затоптали генерала из штаба округа, который пришел толкнуть нам речь. А вычислитель Саня Вдовин увидел на карте деревню километрах в десяти от полигона, отправился туда искать баб, и по пути заблудился. Когда через полтора суток он все-таки вышел из леса, генерал перед строем торжественно подарил ему компас.

Еще нас пытались заставить спеть гимн Советского Союза, но оказалось, что я единственный, кто помнит слова.

Минотавр нам втолковывал, мучительно пытаясь удержать равновесие: «Сейчас оркестр… В количестве трех человек… Исполнит гимн Советского Союза. Чтоб все пели, ясно?! Союз нерушимых республик свободный, э-э… ну, и так далее». Первый куплет мы одолели до середины, потом заглохли. Но и оркестр в количестве трех человек (барабан, труба и еще какая-то штука) - сильно выступил. После его видели только с лопатами, он закапывал какашки, щедро разбросанные по периметру лагеря.

А капитан Каверин на той самой кашээмке, что потом таранила ГАЗ-66, дал прикурить десантной «Ноне», маленькой такой хорошенькой самоходочке. Она просто мимо проехала, а Каверин неожиданно возбудился и заорал своему механику: «А ну, заводи! Догоним эту мандавоху и покажем ей, как надо ездить!». Турбиной взвыл, траками лязгнул, поднял столб песка и на два часа пропал. Механик после сказал, они бедную «Нону» совершенно затерроризировали. То у нее перед носом из кустов выпрыгнут, то в кургузую попочку торцом упрутся.

ББМ в совершенстве владеет мастерством давления всего, что высовывается. А кто не высунулся, того догоним и тоже задавим. Когда мы идем на гусеницах от железнодорожной станции до полигона, деревни, лежащие на нашем пути, натурально вымирают. Крестьян заранее предупреждают: едут особенные люди. Очень специальные. Помню, новую технику принимали и гнали ее в часть. Всего-то несколько километров от вокзала до забора. Город Белая Церковь понес материальный ущерб на пятьдесят тысяч рублей советскими деньгами.

Мы элита округа, трам-тарарам. Очень маленькая, но гордая войсковая часть. Всего-то полтораста морд, солдат и сержантов поровну, треть офицеров и прапорщиков была в Афганистане. Самое мощное на планете Земля самоходное вооружение. Минометы и пушки с нежными цветочными именами «Тюльпан» и «Пион». После развертывания до полного штата каждый дивизион получает собственное знамя.

У нас в парке техники на зимних квартирах стоит бесхозный танк. Какая-то мелочевка, кажется, Т-55. Танк попал к нам случайно, и мы уже который год не можем от него избавиться.

Загоняли пушку на трейлер, везти в Киев на показ, а она вместе с трейлером перевернулась. Все от хохота чуть не уписались. Знали, конечно, что мы идиоты, но не до такой же степени! Самоходка на боку лежит, трейлер тоже, и у МАЗа, который должен их тащить, половина колес в воздухе болтается. Целый день пушку дергали туда-сюда двумя тягачами. Сорок семь тонн. Жертв и разрушений нет. Ёкарныбабай. Какая прочная и надежная боевая машина. Даже трейлер не помялся.

Собираясь по тревоге, в суматохе и толкучке согнули автомат. Сделали кипятильник из сапожных подков - вылетели пробки. Один с пушки рухнул так, что комиссовали. Другой запузырил себе в глаз краской из пульверизатора, чуть не окривел. Третьего укусила в щеку оса, он схватил углекислотный огнетушитель с температурой струи минус восемьдесят, шарахнул по осиному гнезду, осы вылетели, укусили его для симметрии в другую щеку, он уронил на себя огнетушитель и обморозил руку. Двое вернулись из увольнения и заблевали полказармы. Кроме шуток - оба пушечных дивизиона прибежали к нам спать под кровати. Еще один шел бухой через железнодорожные пути, видит, на рельсах пьяный комбат лежит, Анну Каренину изображает. Растолкал, увел с путей, может, жизнь спас офицеру, а комбат его запомнил и назавтра за самоволку вздрючил.

Командир «взвода хранения и обслуживания» решил слазать посмотреть, что творится на крыше бокса, и с лестницы чуть не упал от ужаса: по всей крыше сушилась конопля. Я в новогоднюю ночь сверзился с забора - при парадной форме, с бутылкой самогона и громадной совковой лопатой в руках, - прямо на головы заступающему караулу ракетчиков. А зампотех майор Крот объявил лежачую забастовку: отказался выполнять служебные

обязанности, притащил в кабинет солдатскую койку и пообещал в штабе поселиться насмерть, пока ему не улучшат жилищные условия. А один прапорщик, залив глаза, стрельнул из «макарова» в зама по тылу, потому что тот передвинул его в очереди на автомобиль. Прапора услали в отпуск, через месяц он пришел бородатый и еще более пьяный, бегал по штабу, искал зампотыла, не нашел и уволился. Чуть не погиб на боевом посту начальник Особого Отдела майор Рогачкин. Он подсматривал из кустов, как секретчик жжет на помойке обрезки карт. Надеялся потом отыскать уцелевший кусочек и устроить секретчику веселую жизнь. А в помойке валялся оброненный кем-то трассер. Стрельнуло. Рогачкин и секретчик ускакали в разные стороны на четвереньках.

Были, конечно, в нашей гарнизонной жизни и светлые, радостные дни. Вот я веду строй, ребята поют народную артиллерийскую песню «Если близко воробей, мы готовим пушку…». Очень красиво, с раскладкой на все двадцать восемь голосов. Выворачиваем из-за угла, а перед нами - управление бригады в полном составе. Комбриг отзывает меня в сторону и спрашивает:

- Скажите честно сержант, вы что, без этого не можете?! Вот скажите: товарищ полковник, я не могу не выё…ться! Ну скажите!

Я смущенно ковыряю сапогом бетонку. Минотавр, красный до кончиков рогов, показывает мне издали кулак. Полкан выдает свое коронное: «Служба войск несется архискверно!» и уходит. Начальник штаба застраивает офицеров, и начинаются какие-то шумные разборки внутри управления. «Да идите вы на х…, товарищ подполковник! - Сами идите на х…, товарищ подполковник!». Зам по вооружению покидает строй и действительно - куда-то идет. Черт его знает, куда.

- Сержант! - орет мне начальник штаба. - Если твои люди не перестанут хохотать, я подам вам команду «Кругом»!»

Минотавр оглядывается, снова грозит кулачищем, но сам тоже ржет.

Очень вдруг захотелось ругнуться матом. Нет, не буду.

Так вот, про тот зимний полигон 1989-го года. Я караулил ночью у входа в полевой парк, с пустым автоматом на шее. Не полагалось нам патронов. На фиг нам патроны, у нас атомная бомба есть. Она вообще-то мина, но мы ее для солидности бомбой звали. Потом, мина на бомбу похожа, тоже с хвостиком.

Шучу, конечно, патронов не давали - догадываетесь, отчего. ББМ была знаменита на всю Белую Церковь, напичканную войсками, как самая «неуставная» часть. А я служил в самом неуставном дивизионе этой самой неуставной части. И дай мне волю, по молодости не отказался бы кое-кого тихо пристрелить и тихо закопать. Потом все изменилось, наш призыв задушил дедовщину, мучился из-за ее отсутствия (по казарме стало невозможно пройти), но держал марку. Молодые получали в лоб, если отказывались работать. Глумиться и издеваться, бить для собственного удовольствия, заставлять стирать и подшивать свое барахло считалось дурным тоном. Офицеры это знали. А патронов не давали все равно!

Понимая, что не словят пулю, командиры и начальники совались в парк бесстрашно, со всех направлений, дабы вздрючить усталого бойца за сон на посту. Мой комбат капитан Масякин меня конкретно пас. Пока я ему не устроил «случай в карауле».

Полевой парк - это участок приднепровской степи, обнесенный невысоким заборчиком из колючки. За заборчиком стоит наша техника. На входе шлагбаум и две палатки. В одной храпит дежурный по парку (офицер) с дневальными, в другой начкар (сержант) с караульными. Между палатками хожу кругами я. Вытоптал себе валенками что-то вроде лыжни в промерзшем песке, и вращаюсь. Это единственный способ не спать. Температура минус один, и одежда теплая - зимний танковый комбинезон, я в нем давеча на голой земле дрых. Если присядешь на ящик для чистки сапог, уснешь тут же. Однажды так и задремал. Очнулся уже когда Масякин

отстегивал у моего автомата магазин.

- Спишь, - говорит, - на посту, зараза!

- Нет, - говорю, - просто глубоко задумался.

- Чего-о?

- Товарищ капитан, если бы я и правда заснул, то спросонья от испуга наверняка двинул бы вас прикладом в зубы.

Не знаю, может, у него с ударом по зубам были связаны тягостные воспоминания, но капитан молча отдал мне магазин и ушел, не попрощавшись.

Нет, спать нельзя. Это теперь дело чести, никогда больше в карауле не засну. Хожу кругами. И вдруг нюхом чую: идет Масякин меня проверять. А я возьми, и спрячься за пушку. Бронтозавра видели? Эта пушка сквозь него проедет и не заметит. Прячься, не хочу. Масякин приходит и обнаруживает: часового нет. Осчастливленный, капитан рысью несется вперед. Надеясь застукать меня спящим на броне или вообще со спущенными штанами. И тут я крепко втыкаю Масякину ствол в почку, и говорю: «Стоять!».

Блин, он ушел из парка еще счастливее, чем был. Расплывшись в блаженной улыбке. Сопровождая капитана до караулки, я громко беседовал с ним о погоде, и когда Масякин полез внутрь, там уже никто не спал, даже те, кому можно было. Такой подарок офицеру, которого мы всячески третировали за слабость духа, и чьи «Жигули» однажды занесли на руках в глубокую лужу! А еще я как-то Масякина обложил в три этажа по-английски, он ничего не понял, обиделся, и пытался отправить меня на гауптвахту.

У меня то ли пятнадцать, то ли уже больше суток «губы» и шесть строгих выговоров. Все за грубость и нетактичное поведение со старшими по званию. Даже разжаловать хотели, но комбриг отсоветовал. Сказал - как вы тогда удержите в узде этого бузотера и антисоветчика?… Редкий стратег наш полкан.

…И вот, в ту ночь я, как обычно, вращался между двух палаток - то по часовой стрелке, то против. Не потому что боялся проверки, а уже принципиально. Потом ушел в глубь

парка - достать из машины «консерву», перед сном подкрепиться. Ключа-»лючника» на привычном месте в пазухе воздухозаборника не оказалось, наверное, водила унес. Лючник точно был у одного из наших. Я повернул обратно и издали увидел: что-то не так с караулкой. Странный отсвет возник на задней стенке палатки. Пару мгновений я не мог поверить своим глазам. Потом откашлялся и заорал:

- ПОЖАР В КАРАУЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ!

И включил секундомер на часах. Говорили мне, что палатка сгорает за пятнадцать секунд.

Наша управилась за двенадцать.

«Все случилось так быстро, я рта не успел открыть!» - уверял дежурный по парку капитан Мужецкий. Ну да! Рот он открыл шире некуда. В свете пожарища я прекрасно разглядел страшенное черное хайло и круглые остекленевшие глаза над ним. Вот сказать Мужецкий ничего не успел, это точно. Впрочем, ребята и без его мудрого руководства справились. На третьей секунде пожара из караулки ласточкой катапультировался начкар, без сапог, но зато с автоматами в охапке и постовой ведомостью в зубах. На пятой секунде парни уже рвали в стороны пылающий брезентовый полог, чтобы ошметки не провалились внутрь, на одеяла и матрасы.

Жертв не было, только виновник пожара, уснувший у печки, обжег руку и, сдурев от боли, присыпал ожог холодным песком. Ему надавали пинков по толстой заднице и отправили в санчасть. Кличку «Столбняк» он таскал до конца службы.

Через десять минут обстановка у входа в парк была следующая. Представьте себе пепелище, компактное, но убедительное. В центре пепелища - школьная парта, на ней чайник и керосиновая лампа. У парты стоит некто с автоматом, жует крендель и прихлебывает из кружки остывший чаек.

К парку движется сутулая тень начальника штаба бригады.

- Стой, кто идет, - невнятно говорит караульный, продолжая жевать.

Тень безмолвствует.

- Стой, стрелять буду.

- Я тебе стрельну! Я тебе сейчас так стрельну, мать твою! Чего опять натворил?! Разжалую негодяя! Посажу! Ты мне ответишь за поджог!

- Это не я, товарищ подполковник.

- А кто?!…

И так далее в том же духе.

Оценив ситуацию и обложив всех участников шоу последними словами, начальник штаба принял соломоново решение - сделать вид, что тут ничего вообще не стояло никогда. К утру на месте караулки была идеально ровная причесанная граблями площадка, в центре которой торчала обугленная табличка «Караульное помещение в/ч ХХХХХ». За каковой цинизм мне всыпали отдельно.

На завтраке к нам подошли коллеги-минометчики, которые должны были заступать в караул следующими, и поблагодарили за избавление от этого идиотизма. Заметив, правда, что мы могли бы и раньше почесаться с поджогом. На вопрос, чего ж они сами не почесались, раз такие умные, коллеги ответили, что они умные, но, видимо, недостаточно сумасшедшие. Спасибо нам, короче, за подвиг. Тут раздался панический вопль: «Горит палатка четвертого дивизиона!». Коллеги переменились в лице и убежали. Мы, смеясь, продолжили завтрак. Через некоторое время коллеги вернулись, тоже хохоча.

- Ребята, - сказали они, - ошибочка вышла. Это ваша палатка сгорела!

В тот день я понял, отчего Минотавра прозвали Минотавром. Вверенный ему дивизион трусливо убежал от своего командира в лес. Но троих лидеров, прикрывавших отступление, Минотавр поймал, застроил, и орал на нас до пены на губах. «Мне надо вытерпеть еще полгода», - только и сказал потом страшный сержант Тхя, удрученно вздыхая.

Минотавр, когда ему вступало в голову, совершенно не

помнил добра. Он запамятовал даже, как на той неделе пытался дать залп по чужой цели, а я его остановил. Это был случай из тех, когда сержант громко кричит на майора, а майор потом извиняется. Мы промешкали с залпом полминуты, но избежали позора, да и попали на пять баллов - от нервов, видимо.

Он же меня сам не пустил на огневую и посадил к себе старшим радиотелефонистом. И все, чем мы стреляли, летало теперь над моей головой. Сначала ты слышишь «бух». Потом секунд двадцать молишься всем богам. Потом высоко в небе раздается свист. Ура, ура, можно ничего не бояться. Пусть теперь боятся списанные бэтээры без колес, служащие нам мишенями. Когда фугаска падает рядом, бэтээры летят кувырком. А воронка остается - пару трейлеров похоронить.

И зачем нас угораздило полюбить самоходную артиллерию?! Какого черта мы стоически перенесли «злую дедовщину»? Для чего сделали из разваленного дивизиона боеспособное подразделение с красным вымпелом победителя соцсоревнования? Видимо, только для себя. Чтобы от скуки с ума не сойти.

Я стоял перед заходящимся в крике Минотавром и думал: что он знает о нас? Что может сделать с нами? И, главное, что может нам сказать? Ничего. Ничего. Ничего. Каждый из нас, двадцатилетних оболтусов, лучше Минотавра управлял людьми и тверже держался кодекса чести. Настоящих командиров в дивизионе было четверо: мы, три сержанта, и эксцентричный отморозок капитан Каверин, перед училищем отслуживший срочную. Вот кого дивизион любил и охотно слушался.

Ведь строевой офицер, друзья мои, это, извините за пафос, не звезды на погонах, а достоинство, воля, чувство юмора и умение прощать. Это сложная и вредная профессия, не каждому по плечу.

Минотавр обрушивал на наши головы потоки угроз. Накатила тоска. Еще месяцы и месяцы, бесконечные месяцы этого кошмара впереди. Трудно быть под началом

того, кому не доверяешь. Главное, во внеслужебное время Минотавр преображался, становился вменяемым и приятным в общении человеком. Фу. Воевать с ним было милое дело. Дружить, как я потом узнаю, тоже. А вот тянуть лямку изо дня в день - утомительно.

Отплевавшись, Минотавр разогнал нас работать. Мое задание звучало так: найди людей, найди топор, найди пилу, и чтобы к вечеру были дрова.

Я забрался на развесистую полевую сосну, росшую посреди лагеря, достал губную гармошку и заиграл «Ах, мой милый Августин».

Мимо топали ребята - в оружейку за атомной бомбой. Остановились послушать. Подошел начальник штаба. Он то ли уже забыл, что я негодяй, то ли понял, что без караула бригаде только лучше. В общем, настроение у него было мирное.

- Как дела, Олег? - спросил НШ.

- Замечательно, товарищ подполковник.

- А что это ты там делаешь?

- Дрова рублю.

- Хм…

- Майор К. послал меня рубить дрова. Приказал найти людей, найти пилу, найти топор…

- Понятно, - НШ оглянулся на ребят. - Ну-ка, дуйте отсюда.

Ребята дунули.

- И как ты думаешь жить дальше, Олег? - поинтересовался НШ.

- Наверное еще немного тут посижу, а потом соберусь с духом, все-таки пойду найду людей, одолжу в четвертом дивизионе пилу, украду топор…

- А топор где воровать собираешься?

- Молодец, - похвалил НШ. - Ладно, отдыхай.

И ушел.

Я не стал искать людей и воровать топор. Я нашел Тхя. Мы пошли на болото и принялись там руками-ногами валить и ломать сухостой, вымещая на нем накопившуюся

злобу. «Ко мне все пристают, - жаловался Тхя, одним ударом перерубая толстый ствол, - думают, если я кореец, то должен непременно знать какое-нибудь тэквондо. Я раньше пытался возражать, а потом плюнул, и теперь говорю просто: да, знаю. А когда спрашивают, в какой школе работаю, отвечаю сурово, со значением - в Школе Молодого Тигра!».

Горело сухое дерево великолепно. А сквозь ветхий одинарный брезентовый полог, который мы где-то добыли для палатки, были видны звезды.

В степи матерился бухой замполит.

Назавтра минометные экипажи возились с атомной бомбой, а мы бездельничали на НП. Валялись на броне и смотрели, как двое связистов из батареи управления бегают в противогазах вокруг своей машины.

После обеда меня, как шибко грамотного, включили в комиссию по учету остатков и списанию негодного продовольствия. Тем более, я в этом году разворачивал полевую кухню, да так лихо, что бригада впервые за всю свою историю получила горячий завтрак уже на следующее утро. Жертв, как обычно, не было, только я наглотался солярки, заправляя плиту, а начальник штаба чуть не слопал пулю от АК, которая оказалась у него в каше.

Обнаружили три вздутых банки тушенки. «Просто выкинуть нельзя, - сказал майор Кудинов, возглавлявший комиссию, - вдруг какой-нибудь чурка найдет и сожрет. Пойди эти банки поруби». Мне дали топор, я пристроился у колоды возле кухни и две банки покромсал благополучно. Ну не было у меня опыта обращения с протухшей тушенкой!

Третья банка вздулась основательно. Я тюкнул по ней топором. Раздался громкий хлопок. Проходившие мимо солдаты бросились врассыпную. Отвратительно пахнущее розовое мясо образовало купол гарантированного поражения радиусом около трех метров. Максимальный разлет ошметков оценили потом метров в десять. А в эпицентре взрыва стоял ваш покорный слуга - с топором в

вытянутой руке.

Как от меня несло!!! Я почистился снегом, а приятели-повара из столовки вылили на мой комбинезон флакон одеколона «Цветочный», который как раз собирались выпить. К вони тухлого мяса прибавился одуряющий аромат дешевого парфюма. Когда я забрался в палатку, Тхя сказал - да-а, хорошо, у нас полог одинарный и дырявый! Тут явился с претензиями четвертый дивизион. Пилу мы, что ли, у них опять свистнули. Тхя скомандовал: Олег, займись. Олег только высунулся. Коллеги решили отложить разговор на потом и ушли очень быстро.

Минотавр, приняв на грудь по случаю окончания стрельб, вспомнил обо мне и решил поразвлечься воспитательной работой. Не на того напал! Офицеров так перекосило от моего запаха, что я из их палатки убыл, не успев толком прибыть. И на прощанье заткнул им трубу заранее припасенной тряпкой.

Утром мы свернули лагерь и поехали в Белую Церковь. Превращаться обратно из самоходчиков в чернорабочих и заниматься фигней: красить заборы, рыть канавы, ворочать железо.

Но сначала - отстирывать мой комбез.

Кто бы знал тогда, что полкан все-таки уйдет на давно ожидавшееся повышение, и вместо него пришлют комбригом не обычную пьянь, а настоящего алкоголика и психопата. И начнется полный дурдом! Такой, что мы с Минотавром станем лучшими друзьями, и он будет меня защищать, а я его всячески поддерживать! А потом комбриг, в самый разгар проверки нас комиссией округа - исчезнет! Оставит часть! И его будут трое суток искать! И найдут в канаве! И я, стоя дежурным по штабу, увижу, как два генерал-лейтенанта волокут под руки заблеванного подпола в обмоченных штанах!

И один из генералов понимающе кивнет мне, когда я демонстративно заложу руки за спину, чтобы не приветствовать своего комбрига отданием чести.

ГЛАВА 2

Начальник штаба Бригады Большой Мощности подполковник Мамин сидел, тяжело облокотившись о стол, подперев руками подбородок, и очень несчастными глазами смотрел в никуда.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - сказал я, заглядывая в кабинет.

- А, Олег… - слабым голосом отозвался Мамин. - А что это ты тут делаешь?

- Заступаю дежурным по штабу. Вот, хожу, смотрю недостатки.

- И какие у нас недостатки? - спросил Мамин с такой предсмертной интонацией, будто у нас кроме недостатков уже ничего не могло быть.

- Да как обычно. Разбито стекло на лестнице, не горят две лампы в коридоре, сломано электрополотенце в таулете, на двери пятой комнаты нацарапан косой крестик.

- Пятой? - через силу удивился Мамин. - Это же моя.

Я молча толкнул дверь, чтобы ему было лучше видно.

Мамин разглядывал косой крестик где-то с минуту.

- Это, наверное, «хуй» хотели написать… - пробормотал он наконец.

И спрятал лицо в ладонях.

НОЧНОЕ ВОЖДЕНИЕ

па де труа

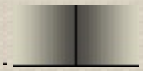
Действующие лица и исполнители:

Командир батареи капитан Каверин в роли дежурного по части

Автор в роли дежурного по штабу

Нечипоренко и Остапец

Следующая страница



Сержант, которого я менял, сосредоточенно давил прыщ на носу, стоя перед мутным сортирным зеркалом. Штаб он сдавал такой же, как принял, беспокоиться не о чем.

- У Мамина никто не умер?

- Вроде никто. Кажется, он просто вчера перепил. А чего?

- Мне его жалко.

- А мне нет.

- В том-то и дело, - сказал я. - Никому их не жалко. Ни одна сволочь ими не интересуется. Как ты думаешь, охота им после этого Родину защищать? Вот нападут на нас турки, итальянцы и восьмой авиадесантный корпус ФРГ…

- Не ссы, не нападут. Слушай, а кто от вас по части заступает?

- Каверин.

- О-па! Будем жить.

Бригада наша «кадрированная», то есть пока войны нет - никакая. Личного состава одна десятая штата. Существуем буквально от чужих щедрот. Жилье - первый этаж казармы десантников, штаб - третий этаж штаба ракетчиков. Столовая, баня, почта, магазин, все не свое. Наши только парк техники и склады. «По войне» ББМ должна убраться из Белой Церкви и уже не вернуться. А пока мы очень гордые, но очень маленькие. У нас два подполковника могут, страшно ругаясь, вести территориальный спор - по какой половице идет демаркационная линия между их зонами ответственности. А дежурный офицер сидит прямо в казарме и,

естественно, отравляет ночную жизнь старшим призывам. И уж ночью с пятницы на субботу, когда все хотят смотреть телевизор, злой дежурный - сущее наказание.

Капитан Каверин не злой офицер. Он сам придет в расположение смотреть телевизор. Капитану принесут из канцелярии удобный стул. Или вообще койку предоставят с кучей подушек. Но особого шума, гама и шевеления в казарме не будет. Потому что если Каверин вдруг произнесет слово «отбой», все, конечно, удивятся. Но стоит ему это слово повторить, тут же случится отбой. И только бесплотные тени узкого круга избранных будут иногда беспокоить взор дежурного по части. А если Каверину почудится непорядок, и он из дежурки раздраженно гавкнет, тени мигом обретут плоть, и непорядок - бац! бац! ой! спать, военный, урою! - ликвидируют.

Я на своего комбата Масякина запросто могу повысить голос. Причем тут же сбежится народ, обступит Масякина со всех сторон, примется строить зверские рожи и многозначительно дышать капитану в затылок. А с Кавериным, таким же комбатом из нашего дивизиона, цапаться даже как-то странно. Потому что Каверин состоит из сплошных «не». Он не истеричен, не труслив, не цеплется к мелочам, не отдает идиотских приказов, не гнется перед начальством. Он вообще, кажется, не боится никого и ничего. Если тот же Масякин, выписав себе банку спирта «для протирки оптических осей», покинет территорию части сквозь дыру в заборе, обеими руками прижимая награбленное к животу - Каверин спокойно уйдет через КПП, небрежно помахивая банкой в авоське. И все будут знать: вот идет капитан Каверин,

настоящий артиллерист! Он идет домой пить настоящий артиллерийский спирт! А встреться ему, допустим, генерал, и вздумай тот генерал отнять у Каверина банку, капитан скажет: отстаньте. Что вы можете со мной, капитаном Кавериным, сделать, меня уже из партии на хрен выгнали. Дальше китайской границы не ушлете (эка невидаль, я там был), меньше батареи не дадите (так я и есть пожизненный комбат), и я еще спасибо вам скажу, потому что здесь у меня шесть (в скобках прописью - шесть!) уродов подчиненных и столько же уродов начальников, это не считая кретина замполита, и надоела такая служба донельзя. Конечно Белая Церковь городок симпатичный, а Украина теплый край, только свет на нем клином не сошелся, поэтому я вам, товарищ генерал, полбанки, так уж и быть, отолью, но на большее не рассчитывайте…

В общем, когда Каверин стоит дежурным по части, главное его не злить - и ночь с пятницы на субботу пройдет замечательно.

Ну, меня это вообще не касается. Я нынче сам себе хозяин. Отпущу помощника баиньки, запру штаб на швабру, вскрою кабинет замполита, вытащу телевизор и отнесу его на узел связи. Мы там будем со связистом Генкой Шнейдером гонять чаи и смотреть программу «Взгляд».

У замполита печать номер 8, у меня номер 88. Я не нарочно, так получилось. А замки вскрывать - армия учит.

Тиха украинская ночь. Происшествий никаких. Каверину поднесли стакан и закусить, потом еще стакан и закусить, казарма блаженствует.

Потом Каверину захотелось добавить.

И началось.

Убыл в самоволку рядовой Нечипоренко из первого дивизиона. Нормально, достойно, как

уважающий себя дедушка Советской Армии, вышел через парк, сообщив нашим, что если его будут искать, так он скоро вернется. Оставил на хранение тело рядового Остапца, который тоже очень хотел в самоволку, но переоценил свои возможности.

И тут Каверин в парк звонит. Говорит, есть у меня подозрение, будто кто-то погулять вышел. Было, сознавайтесь? Наши ему: да фигня, Нечипоренко ушел. Сказал, ненадолго. Каверин: нет проблем, только пусть мне сразу звякнет, когда придет.

Понятное дело, Нечипоренко с самогоном явится, и тут уж Каверин своего не упустит.

Но это будет еще не скоро, поэтому Каверин вызывает в дежурку старшину первого дивизиона и устраивает ему разнос - почему люди без спросу в город уходят. Я с вами по-человечески, а вы мне что?…

Ну, первый дивизион ему немедленно откупного - на пульт.

Каверин погружается в эйфорию.

А часом позже в парк нетвердой походкой вступает Нечипоренко.

Наши говорят: тебя Каверин искал, позвони ему.

Шнейдер, который на коммутаторе все разговоры подслушивает, сил не находит протянуть мне второй наушник, только пальцем в него тычет и рожи строит.

- Здрасте, товарищ капитан!

- Здравствуйте. *(с живым интересом)* А кто это?

- Да я!

- Кто «я»?

- Ну я, Нечипоренко!

- А-а…

Пауза.

- А это триста десятый «Солекопа» капитан Каверин.

- Товарищ капитан, да я это, я!

- Кто «я»?!

- Рядовой Нечипоренко!

- А-а! Нечипоренко! Здравствуй, дорогой!

- Здравствуйте, товарищ капитан!

- М-да… Нечипоренко. И что?

- Ну, вы сказали, чтобы я позвонил, когда приду.

- Хм. И что?

- Э-э… Вот, я пришел.

Долгая пауза.

- А кто это?

- Э-э… *(неуверенно)* Это рядовой Нечипоренко.

- А это триста десятый «Солекопа» капитан Каверин. Погоди, погоди! Нечипоренко, это ты, что ли?!

- Да! Да! *(радостно)* Это я, товарищ капитан! Нечипоренко!

- Черт побери, Нечипоренко, дорогой, где же ты был?! Я тебя очень давно жду! Иди скорее ко мне сюда!

- Да-да, товарищ капитан, мы уже идем!

Пауза.

- *(опасливо)* Кто «мы»?

- Ну… Я и Остапец.

- А кто это?

- Остапец?! Ну… Ну, Остапец… это Остапец!

- Да нет, кто со мной говорит?

- Рядовой Нечипоренко!

- А-а…

Пауза.

- Триста десятый «Солекопа» капитан Каверин!

Дальше мы не слушали. Сил не хватило.

Чтобы преодолеть неполных пятьсот метров от парка до казармы, рядовым Нечипоренко и Остапцу понадобился час, потому что Остапец то и дело падал, а Нечипоренко укладывался на травку отдохнуть. Наконец они ввалились в дежурку, растолкали спящего Каверина и доложили, что пришли. Нечипоренко даже отдал капитану честь, для чего отпустил Остапца, и тот снова упал.

Каверин их не узнал, особенно Нечипоренко, посоветовал уйти отсюда на хер к такой-то матери и перевернулся на другой бок.

Нечипоренко был глубоко озадачен. Он попытался совершить второй подход к телу капитана, но тут помощник дежурного сунул ему в руки опасно булькающего Остапца и указал на дверь.

Светало.

Потом эту историю рассказали капитану Мужецкому, лежавшему в ту ночь дежурным по парку. Собственно, прямо над его ухом происходил исторический телефонный брифинг, а на соседнем топчане валялся пьяный Остапец.

Мужецкий попросил его не разыгрывать.

ГЛАВА 3

Первая шеренга, два шага вперед, снять правый сапог, предъявить наличие портянки!

Всем привинтить значки член ВЛКСМ!

И где вы дели эту штуку, которая на ремне?

По Уставу пилотка должна выглядеть так, чтобы вот эти внутренние губки - гы-гы-гы! - торчали наружу!

Ускорить готовность!

Вы мне объясните: как может комсомолец вытирать жопу полным собранием сочинений Ленина?!

Ходоровский, чмо болотное, кто вам сказал, что вы еврей, забудьте об этом, вы позор самоходной артиллерии - ГДЕ ПУГОВИЦА, Я ТЕБЯ СПРАШИВАЮ?!

А номер военного билета должен быть у вас на всём!

Почему этот нахал разгуливает в параллельных брюках?

Не вижу службы войск, не вижу совершенно!

Содержимое карманов - к осмотру!

Ах, у вас перья из задницы повырастали?!

Ладно, сержант, вот переживем эту проверку, и вы мне за всё ответите!

ПРОВЕРКА НА ВШИВОСТЬ

любительская порнография

сержанты и солдаты ББМ в разных непотребных ролях

Есть такой анекдот. «Как победить Советскую Армию? Ни в коем случае не нападать внезапно. Надо ей объявить войну за месяц. И она сама затрахает себя подготовкой». О, да. Ничто так не подрывает боеспособность войск, как плановая проверка этой самой боеспособности.

Ответная реакция войск на приближающееся несчастье всегда одна и та же. Сначала яростные поиски тех, кто хоть что-то знает и может объяснить другим. Затем повальный инструктаж и тренаж. Тотальный контроль наличия всего. Бирки, таблички, номера по трафарету. Памятки и планы. Сержантские книжки. И стенгазета! И боевой листок! И строевая песня!…

- На ящиках для угля должна быть надпись «УГОЛЬ». Значит, найди краску, найди кисть, сделай из чего-нибудь трафарет… Если не найдешь краску, найди гудрона, тоже пойдет. Только сначала найди сержанта Тхя и скажи ему, чтобы нашел лопаты и послал людей стесать траву, которая торчит из щелей в бетонке перед боксом… Тхя уже ищет гудрон? Зачем?! Не надо. Ты ищи гудрон. Если не найдешь краску. А Тхя пусть ищет лопаты. Нет, те лопаты, которые на машинах, брать нельзя, они только что покрашены. Вы прямо как дети малые, всему вас приходится учить… В общем, я на тебя надеюсь!

- А где эти ящики для угля?
- Убью!!!

«Внимание! Завтра, совершенно внезапно, в полшестого утра, будет объявлена тревога. Поэтому, товарищи сержанты, подготовьте личный состав и его оружие. Магазины разложите по подсумкам. А автомат, штык-нож и подсумок надо сцепить ремнем, чтобы в одно движение выдернуть из пирамиды всю эту херню. Вещмешок должен у каждого лежать под кроватью. Во избежание давки на выходе советую третьему и четвертому дивизиону покидать казарму через окна»

И покидали. И неслись тяжелым галопом в парк техники, снося все на своем пути. Бежали через территорию ракетчиков, у которых были железные ворота, центнера два весом, запертые на амбарный замок. И мы хватали эти ворота, срывали с петель и швыряли наземь. За что ракетчики нас, конечно, очень любили. А мы бежали, пыхтя и задыхаясь, подтягивая отставших, принимая на руки подвернувших ногу, геройски бежали… Дабы оседлать свою верную технику, выгнать ее из боксов, и… и… Спать на броне полчаса минимум! Потому что офицеры все равно не добирались до парка раньше!

Неделя до выхода на полигон. Пятеро сержантов на фоне миномета. Никто не хочет им командовать. Особенно те, кому скоро на дембель. Из миномета можно не туда попасть. Еще им можно кого-нибудь задавить - в том числе себя, - даже стоя на ровном месте. Оно нам надо?

Механик торчит из своего люка и радостно скалит зубы, с него взятки гладки. Капитан Масякин расхаживает перед строем, пытаясь хотя бы внешне хранить спокойствие. Он уже понял, что никто из присутствующих ничего не умеет, не может и не будет. Опять. Как и полгода назад. Придется волевым решением назначать крайнего.

- Слушай, Верчич, ты же на прошлом полигоне

отлично справлялся с машиной. Что значит - забыл? Как ты мог все забыть?

- Ну не помню я, тарщ ктан. Пусть вон Вася… То есть сержант Голиней командует. А я оператором буду. А?

- Вася молодой еще.

- Вот пусть и командует, опыта набирается.

- А ты, значит, будешь нажимать кнопки и ни за что не отвечать? Сволочи. Вы не минометчики, вы сволочи, ясно? Ладно, Верчич, я тебе это припомню. Сержант Голиней, лезь на башню. Назначаю тебя командиром расчета.

- Това-арищ капита-ан…

- Лезь, кому говорю! Верчич, подсказывай ему, если что.

- Угу! Спасибо, тарщ ктан.

- Вторая, стой! Машину в боевое положение… Развернуть!

Вжжжжж… Бум! Вжжжж… Бум! Хрясь! Дзынь! Хлоп!

- Не лезет.

- Спокойно, ребята, спокойно. Назад откинули! Воткнули.

Хрясь! Дзынь! Блям!

- Сука! Не лезет!

- Ты в бабу тоже с двух раз не попадаешь?

- Разговорчики!

Хрясь! Дзынь! Бац!

- Есть! Прицел сюда! Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в боевое положение переведена.

- И ведь какой-то инженер, сука, за этот узел премию получил. Это, блядь, диверсия, а не узел.

- Разгово-ор-чи-ки… Ты не суетись, когда втыкаешь. Ты прицельсь и спокойно воткни. Вторая, стой! В походное… Свернуть!

Бух-бух-бух! Дзынь! Блям! Хрясь! Вжжжжж… Бац!

- Ой!

- РУКИ!!! РУКИ НА ХЕР!!!
- Ты что, военный, совсем дурак?!
Бац! (это уже по шее).
- Стопор! Крути! Накладку! Есть!
- Чехол будем, тарщ ктан?!…
- Не будем. Ну его. Верчич, ты не улыбайся так, когда другие бегают.
- Да уж я набегался за два года, тарщ ктан.
- Ушли с брони! Тарщ ктан, машина в походное положение переведена. Ну что, укладываемся в норматив?
- Хм… В общем, да. Вторая, стой!
- Това-арищ капита-ан…
- Машину в боевое…
- Ы-ы-ы… У-у-у…

ГЛАВА 1

По лагерю бегал поддатый Минотавр и орал: «Тхя! Тхя! Тхя!» Мимо шли обедать десантники. Минотавр выскочил на них из-за палаток и, глядя поверх голов, рявкнул:

- Тхя!!!

Десантники резко прибавили ходу.

Десантура нас побаивалась. Мы ее еще летом основательно сбили с толку. На каждом полигоне сотня ненормальных самоходчиков изумляла своими дикими выходками целый лагерь, где собиралось полторы тысячи человек - все ракетные войска и артиллерия окружного подчинения. С нами было не соскучиться, и нас было не переплюнуть. Даже когда противотанкисты зачем-то начали стрелять поверх лагеря, адский свист над головой никого не впечатлил. Зато все обсуждали, как самоходчики гонялись на минометe за грузовиком с десантниками, старательно делая вид, что вовсе не хотят его задавить своей тридцатитонной гусеничной дурой.

А теперь наша Бригада Большой Мощности распоясалась окончательно.

Минотавр неспроста озверел. Было так. Вычислитель Саня Вдовин стоял в наряде и отчаянно скучал на посту. Сначала развлекался тем, что затыкал варежкой трубу «буржуйки» в офицерской палатке и слушал, как там внутри кашляют и матерятся. Потом спустил штаны и навалил офицерам под порог здоровенную кучу. Выразил, так сказать, общее мнение о командирах. Полюбовался на свою, извините за выражение, художественную инсталляцию. И вдруг сообразил: его пост в трех метрах от входа в палатку. И если офицерам кто-то нагадил, то либо дневального не было на месте, либо он сам это и сделал. Вдовин счел за лучшее убежать, но тут из палатки наружу

полез Минотавр и, конечно, наступил в дерьмо.

Марать руки о бывшего младшего сержанта, которому самолично лычки срезал, Минотавру показалось недостойно. И теперь он носился по лагерю в поисках страшного сержанта Тхя, чтобы тот выбил из Вдовина любовь к авангардному искусству. Тхя благоразумно спрятался.

А еще у нас была с собой атомная бомба.

ОРУЖИЕ ВОЗМЕЗДИЯ

просто трагедия

Действующие лица и исполнители:

Командир 3-го дивизиона ББМ майор К. в роли Минотавра.

Командир батареи капитан Масякин в роли капитана Масякина.

Старший сержант Тхя в роли страшного сержанта Тхя.

Установка 2С4 «Тюльпан» и КШМ на базе МТ-ЛБу в роли Оружия Возмездия.

Один младший сержант без классной квалификации в роли Автора.

Солдаты и сержанты 3-го самоходно-минометного дивизиона ББМ в ролях второго плана.

Сначала мы нанесли невосполнимые потери в живой силе и технике каким-то итальянским и турецким дивизиям. Противник сбросил на нас 8-й авиадесантный корпус ФРГ, но мы и его раскатали в блины. Немцев били с особым воодушевлением. Потерь с нашей стороны не было, только навалил в штаны прапорщик Козолуп, случайно угодивший под обстрел. И еще сержант Драгой, мудро говоривший про себя «Я не пенек, я низко срубленное дерево», навел миномет точнехонько на НП, где как раз собралось все управление бригады. А миномет у нас такой, что извини-подвинься, фугаска сто тридцать кило весит, и вероятность попадания с первого выстрела 0,5. То есть одно из двух. Замечательный аппарат. Хорошо, капитан Масякин решил проверить, чего там этот пенек Драгой накрутил на прицеле. Масякин потом долго бегал вокруг миномета, выкрикивая разные слова и размахивая сорванной с брони лопатой, а Драгой из-под брюха самоходки пищал: «Товарищ капитан, я больше не буду!».

Еще пушкари взорваться пытались на собственном снаряде, но не сумели, а то бы мы с НП увидели, как они по воздуху летят вверх тормашками.

И еще наконец-то наши протаранили десантный ГАЗ-66. Достали-таки! Летом мы просто дурака валяли, когда гонялись за ним на миномете, а тут он сам под кашээмку подставился. КШМ это командно-штабная машина, железная и на гусеницах, очень симпатичная. Она поцарапалась слегка, а у «шишиги» полкузова как не бывало.

Ах, да, еще мы с сержантом Андрецовым по ошибке сожрали кастрюлю офицерской вермишели.

Потом мы сожгли караулку.

Потом еще кое-что сожгли.

Потом я подорвался на банке с протухшей тушенкой.

Слава тебе, Господи, потом мы уехали обратно на зимние квартиры.

Долго мы раскачивались в тот раз, четыре недели на полигоне ничего интересного не происходило, и вдруг ББМ с цепи сорвалась, да за три дня столько натворила - до сих пор вспомнить страшно.

Хотя было кое-что, было и до. Но так, по мелочи.

Ну, скучно показалось одному капитану стоять дежурным по части. Так он ночью пошел и своего комдива подполковника Миронова пришил за белье суровыми нитками к матрасу, а потом крикнул: «Тревога!»… А Миронов с майором Кудиновым, два орденоносных «афганца», бегали перед строем, играя в «кто отдавит другу ногу», и чуть не затоптали генерала из штаба округа, который пришел толкнуть нам речь. А вычислитель Саня Вдовин увидел на карте деревню километрах в десяти от полигона, отправился туда искать баб, и по пути заблудился. Когда через полтора суток он все-таки вышел из леса, генерал перед строем торжественно подарил ему компас.

Еще нас пытались заставить спеть гимн Советского Союза, но оказалось, что я единственный, кто помнит слова.

Минотавр нам втолковывал, мучительно пытаясь удержать равновесие: «Сейчас оркестр… В количестве трех человек… Исполнит гимн Советского Союза. Чтоб все пели, ясно?! Союз нерушимых республик свободный, э-э… ну, и так далее». Первый куплет мы одолели до середины, потом заглохли. Но и оркестр в количестве трех человек (барабан, труба и еще какая-то штука) - сильно выступил. После его видели только с лопатами, он закапывал какашки, щедро разбросанные по периметру лагеря.

А капитан Каверин на той самой кашээмке, что потом таранила ГАЗ-66, дал прикурить десантной «Ноне», маленькой такой хорошенькой самоходочке. Она просто мимо проехала, а Каверин неожиданно возбудился и заорал своему механику: «А ну, заводи! Догоним эту мандавоху и покажем ей, как надо ездить!». Турбиной взвыл, траками лязгнул, поднял столб песка и на два часа пропал. Механик после сказал, они бедную «Нону» совершенно затерроризировали. То у нее перед носом из кустов выпрыгнут, то в кургузую попочку торцом упрутся.

ББМ в совершенстве владеет мастерством давления всего, что высовывается. А кто не высунулся, того догоним и тоже задавим. Когда мы идем на гусеницах от железнодорожной станции до полигона, деревни, лежащие на нашем пути, натурально вымирают. Крестьян заранее предупреждают: едут особенные люди. Очень специальные. Помню, новую технику принимали и гнали ее в часть. Всего-то несколько километров от вокзала до забора. Город Белая Церковь понес материальный ущерб на пятьдесят тысяч рублей советскими деньгами.

Мы элита округа, трам-тарарам. Очень маленькая, но гордая войсковая часть. Всего-то полтораста морд, солдат и сержантов поровну, треть офицеров и прапорщиков была в Афганистане. Самое мощное на планете Земля самоходное вооружение. Минометы и пушки с нежными цветочными именами «Тюльпан» и «Пион». После развертывания до полного штата каждый дивизион получает собственное знамя.

У нас в парке техники на зимних квартирах стоит бесхозный танк. Какая-то мелочевка, кажется, Т-55. Танк попал к нам случайно, и мы уже который год не можем от него избавиться.

Загоняли пушку на трейлер, везти в Киев на показ, а она вместе с трейлером перевернулась. Все от хохота чуть не уписались. Знали, конечно, что мы идиоты, но не до такой же степени! Самоходка на боку лежит, трейлер тоже, и у МАЗа, который должен их тащить, половина колес в воздухе болтается. Целый день пушку дергали туда-сюда двумя тягачами. Сорок семь тонн. Жертв и разрушений нет. Ёкарныбабай. Какая прочная и надежная боевая машина. Даже трейлер не помялся.

Собираясь по тревоге, в суматохе и толкучке согнули автомат. Сделали кипятильник из сапожных подков - вылетели пробки. Один с пушки рухнул так, что комиссовали. Другой запузырил себе в глаз краской из пульверизатора, чуть не окривел. Третьего укусила в щеку оса, он схватил углекислотный огнетушитель с температурой струи минус восемьдесят, шарахнул по осиному гнезду, осы вылетели, укусили его для симметрии в другую щеку, он уронил на себя огнетушитель и обморозил руку. Двое вернулись из увольнения и заблевали полказармы. Кроме шуток - оба пушечных дивизиона прибежали к нам спать под кровати. Еще один шел бухой через железнодорожные пути, видит, на рельсах пьяный комбат лежит, Анну Каренину изображает. Растолкал, увел с путей, может, жизнь спас офицеру, а комбат его запомнил и назавтра за самоволку вздрючил.

Командир «взвода хранения и обслуживания» решил слазать посмотреть, что творится на крыше бокса, и с лестницы чуть не упал от ужаса: по всей крыше сушилась конопля. Я в новогоднюю ночь сверзился с забора - при парадной форме, с бутылкой самогона и громадной совковой лопатой в руках, - прямо на головы заступающему караулу ракетчиков. А зампотех майор Крот объявил лежачую забастовку: отказался выполнять служебные

обязанности, притащил в кабинет солдатскую койку и пообещал в штабе поселиться насмерть, пока ему не улучшат жилищные условия. А один прапорщик, залив глаза, стрельнул из «макарова» в зама по тылу, потому что тот передвинул его в очереди на автомобиль. Прапора услали в отпуск, через месяц он пришел бородатый и еще более пьяный, бегал по штабу, искал зампотыла, не нашел и уволился. Чуть не погиб на боевом посту начальник Особого Отдела майор Рогачкин. Он подсматривал из кустов, как секретчик жжет на помойке обрезки карт. Надеялся потом отыскать уцелевший кусочек и устроить секретчику веселую жизнь. А в помойке валялся оброненный кем-то трассер. Стрельнуло. Рогачкин и секретчик ускакали в разные стороны на четвереньках.

Были, конечно, в нашей гарнизонной жизни и светлые, радостные дни. Вот я веду строй, ребята поют народную артиллерийскую песню «Если близко воробей, мы готовим пушку…». Очень красиво, с раскладкой на все двадцать восемь голосов. Выворачиваем из-за угла, а перед нами - управление бригады в полном составе. Комбриг отзывает меня в сторону и спрашивает:

- Скажите честно сержант, вы что, без этого не можете?! Вот скажите: товарищ полковник, я не могу не выё…ться! Ну скажите!

Я смущенно ковыряю сапогом бетонку. Минотавр, красный до кончиков рогов, показывает мне издали кулак. Полкан выдает свое коронное: «Служба войск несется архискверно!» и уходит. Начальник штаба застраивает офицеров, и начинаются какие-то шумные разборки внутри управления. «Да идите вы на х…, товарищ подполковник! - Сами идите на х…, товарищ подполковник!». Зам по вооружению покидает строй и действительно - куда-то идет. Черт его знает, куда.

- Сержант! - орет мне начальник штаба. - Если твои люди не перестанут хохотать, я подам вам команду «Кругом»!»

Минотавр оглядывается, снова грозит кулачищем, но сам тоже ржет.

Очень вдруг захотелось ругнуться матом. Нет, не буду.

Так вот, про тот зимний полигон 1989-го года. Я караулил ночью у входа в полевой парк, с пустым автоматом на шее. Не полагалось нам патронов. На фиг нам патроны, у нас атомная бомба есть. Она вообще-то мина, но мы ее для солидности бомбой звали. Потом, мина на бомбу похожа, тоже с хвостиком.

Шучу, конечно, патронов не давали - догадываетесь, отчего. ББМ была знаменита на всю Белую Церковь, напичканную войсками, как самая «неуставная» часть. А я служил в самом неуставном дивизионе этой самой неуставной части. И дай мне волю, по молодости не отказался бы кое-кого тихо пристрелить и тихо закопать. Потом все изменилось, наш призыв задушил дедовщину, мучился из-за ее отсутствия (по казарме стало невозможно пройти), но держал марку. Молодые получали в лоб, если отказывались работать. Глумиться и издеваться, бить для собственного удовольствия, заставлять стирать и подшивать свое барахло считалось дурным тоном. Офицеры это знали. А патронов не давали все равно!

Понимая, что не словят пулю, командиры и начальники совались в парк бесстрашно, со всех направлений, дабы вздрючить усталого бойца за сон на посту. Мой комбат капитан Масякин меня конкретно пас. Пока я ему не устроил «случай в карауле».

Полевой парк - это участок приднепровской степи, обнесенный невысоким заборчиком из колючки. За заборчиком стоит наша техника. На входе шлагбаум и две палатки. В одной храпит дежурный по парку (офицер) с дневальными, в другой начкар (сержант) с караульными. Между палатками хожу кругами я. Вытоптал себе валенками что-то вроде лыжни в промерзшем песке, и вращаюсь. Это единственный способ не спать. Температура минус один, и одежда теплая - зимний танковый комбинезон, я в нем давеча на голой земле дрых. Если присядешь на ящик для чистки сапог, уснешь тут же. Однажды так и задремал. Очнулся уже когда Масякин

отстегивал у моего автомата магазин.

- Спишь, - говорит, - на посту, зараза!

- Нет, - говорю, - просто глубоко задумался.

- Чего-о?

- Товарищ капитан, если бы я и правда заснул, то спросонья от испуга наверняка двинул бы вас прикладом в зубы.

Не знаю, может, у него с ударом по зубам были связаны тягостные воспоминания, но капитан молча отдал мне магазин и ушел, не попрощавшись.

Нет, спать нельзя. Это теперь дело чести, никогда больше в карауле не засну. Хожу кругами. И вдруг нюхом чую: идет Масякин меня проверять. А я возьми, и спрячься за пушку. Бронтозавра видели? Эта пушка сквозь него проедет и не заметит. Прячься, не хочу. Масякин приходит и обнаруживает: часового нет. Осчастливленный, капитан рысью несется вперед. Надеясь застукать меня спящим на броне или вообще со спущенными штанами. И тут я крепко втыкаю Масякину ствол в почку, и говорю: «Стоять!».

Блин, он ушел из парка еще счастливее, чем был. Расплывшись в блаженной улыбке. Сопровождая капитана до караулки, я громко беседовал с ним о погоде, и когда Масякин полез внутрь, там уже никто не спал, даже те, кому можно было. Такой подарок офицеру, которого мы всячески третировали за слабость духа, и чьи «Жигули» однажды занесли на руках в глубокую лужу! А еще я как-то Масякина обложил в три этажа по-английски, он ничего не понял, обиделся, и пытался отправить меня на гауптвахту.

У меня то ли пятнадцать, то ли уже больше суток «губы» и шесть строгих выговоров. Все за грубость и нетактичное поведение со старшими по званию. Даже разжаловать хотели, но комбриг отсоветовал. Сказал - как вы тогда удержите в узде этого бузотера и антисоветчика?… Редкий стратег наш полкан.

…И вот, в ту ночь я, как обычно, вращался между двух палаток - то по часовой стрелке, то против. Не потому что боялся проверки, а уже принципиально. Потом ушел в глубь

парка - достать из машины «консерву», перед сном подкрепиться. Ключа-»лючника» на привычном месте в пазухе воздухозаборника не оказалось, наверное, водила унес. Лючник точно был у одного из наших. Я повернул обратно и издали увидел: что-то не так с караулкой. Странный отсвет возник на задней стенке палатки. Пару мгновений я не мог поверить своим глазам. Потом откашлялся и заорал:

- ПОЖАР В КАРАУЛЬНОМ ПОМЕЩЕНИИ!

И включил секундомер на часах. Говорили мне, что палатка сгорает за пятнадцать секунд.

Наша управилась за двенадцать.

«Все случилось так быстро, я рта не успел открыть!» - уверял дежурный по парку капитан Мужецкий. Ну да! Рот он открыл шире некуда. В свете пожарища я прекрасно разглядел страшенное черное хайло и круглые остекленевшие глаза над ним. Вот сказать Мужецкий ничего не успел, это точно. Впрочем, ребята и без его мудрого руководства справились. На третьей секунде пожара из караулки ласточкой катапультировался начкар, без сапог, но зато с автоматами в охапке и постовой ведомостью в зубах. На пятой секунде парни уже рвали в стороны пылающий брезентовый полог, чтобы ошметки не провалились внутрь, на одеяла и матрасы.

Жертв не было, только виновник пожара, уснувший у печки, обжег руку и, сдурев от боли, присыпал ожог холодным песком. Ему надавали пинков по толстой заднице и отправили в санчасть. Кличку «Столбняк» он таскал до конца службы.

Через десять минут обстановка у входа в парк была следующая. Представьте себе пепелище, компактное, но убедительное. В центре пепелища - школьная парта, на ней чайник и керосиновая лампа. У парты стоит некто с автоматом, жует крендель и прихлебывает из кружки остывший чаек.

К парку движется сутулая тень начальника штаба бригады.

- Стой, кто идет, - невнятно говорит караульный, продолжая жевать.

Тень безмолвствует.

- Стой, стрелять буду.

- Я тебе стрельну! Я тебе сейчас так стрельну, мать твою! Чего опять натворил?! Разжалую негодяя! Посажу! Ты мне ответишь за поджог!

- Это не я, товарищ подполковник.

- А кто?!…

И так далее в том же духе.

Оценив ситуацию и обложив всех участников шоу последними словами, начальник штаба принял соломоново решение - сделать вид, что тут ничего вообще не стояло никогда. К утру на месте караулки была идеально ровная причесанная граблями площадка, в центре которой торчала обугленная табличка «Караульное помещение в/ч ХХХХХ». За каковой цинизм мне всыпали отдельно.

На завтраке к нам подошли коллеги-минометчики, которые должны были заступать в караул следующими, и поблагодарили за избавление от этого идиотизма. Заметив, правда, что мы могли бы и раньше почесаться с поджогом. На вопрос, чего ж они сами не почесались, раз такие умные, коллеги ответили, что они умные, но, видимо, недостаточно сумасшедшие. Спасибо нам, короче, за подвиг. Тут раздался панический вопль: «Горит палатка четвертого дивизиона!». Коллеги переменились в лице и убежали. Мы, смеясь, продолжили завтрак. Через некоторое время коллеги вернулись, тоже хохоча.

- Ребята, - сказали они, - ошибочка вышла. Это ваша палатка сгорела!

В тот день я понял, отчего Минотавра прозвали Минотавром. Вверенный ему дивизион трусливо убежал от своего командира в лес. Но троих лидеров, прикрывавших отступление, Минотавр поймал, застроил, и орал на нас до пены на губах. «Мне надо вытерпеть еще полгода», - только и сказал потом страшный сержант Тхя, удрученно вздыхая.

Минотавр, когда ему вступало в голову, совершенно не

помнил добра. Он запамятовал даже, как на той неделе пытался дать залп по чужой цели, а я его остановил. Это был случай из тех, когда сержант громко кричит на майора, а майор потом извиняется. Мы промешкали с залпом полминуты, но избежали позора, да и попали на пять баллов - от нервов, видимо.

Он же меня сам не пустил на огневую и посадил к себе старшим радиотелефонистом. И все, чем мы стреляли, летало теперь над моей головой. Сначала ты слышишь «бух». Потом секунд двадцать молишься всем богам. Потом высоко в небе раздается свист. Ура, ура, можно ничего не бояться. Пусть теперь боятся списанные бэтээры без колес, служащие нам мишенями. Когда фугаска падает рядом, бэтээры летят кувырком. А воронка остается - пару трейлеров похоронить.

И зачем нас угораздило полюбить самоходную артиллерию?! Какого черта мы стоически перенесли «злую дедовщину»? Для чего сделали из разваленного дивизиона боеспособное подразделение с красным вымпелом победителя соцсоревнования? Видимо, только для себя. Чтобы от скуки с ума не сойти.

Я стоял перед заходящимся в крике Минотавром и думал: что он знает о нас? Что может сделать с нами? И, главное, что может нам сказать? Ничего. Ничего. Ничего. Каждый из нас, двадцатилетних оболтусов, лучше Минотавра управлял людьми и тверже держался кодекса чести. Настоящих командиров в дивизионе было четверо: мы, три сержанта, и эксцентричный отморозок капитан Каверин, перед училищем отслуживший срочную. Вот кого дивизион любил и охотно слушался.

Ведь строевой офицер, друзья мои, это, извините за пафос, не звезды на погонах, а достоинство, воля, чувство юмора и умение прощать. Это сложная и вредная профессия, не каждому по плечу.

Минотавр обрушивал на наши головы потоки угроз. Накатила тоска. Еще месяцы и месяцы, бесконечные месяцы этого кошмара впереди. Трудно быть под началом

того, кому не доверяешь. Главное, во внеслужебное время Минотавр преображался, становился вменяемым и приятным в общении человеком. Фу. Воевать с ним было милое дело. Дружить, как я потом узнаю, тоже. А вот тянуть лямку изо дня в день - утомительно.

Отплевавшись, Минотавр разогнал нас работать. Мое задание звучало так: найди людей, найди топор, найди пилу, и чтобы к вечеру были дрова.

Я забрался на развесистую полевую сосну, росшую посреди лагеря, достал губную гармошку и заиграл «Ах, мой милый Августин».

Мимо топали ребята - в оружейку за атомной бомбой. Остановились послушать. Подошел начальник штаба. Он то ли уже забыл, что я негодяй, то ли понял, что без караула бригаде только лучше. В общем, настроение у него было мирное.

- Как дела, Олег? - спросил НШ.

- Замечательно, товарищ подполковник.

- А что это ты там делаешь?

- Дрова рублю.

- Хм…

- Майор К. послал меня рубить дрова. Приказал найти людей, найти пилу, найти топор…

- Понятно, - НШ оглянулся на ребят. - Ну-ка, дуйте отсюда.

Ребята дунули.

- И как ты думаешь жить дальше, Олег? - поинтересовался НШ.

- Наверное еще немного тут посижу, а потом соберусь с духом, все-таки пойду найду людей, одолжу в четвертом дивизионе пилу, украду топор…

- А топор где воровать собираешься?

- Молодец, - похвалил НШ. - Ладно, отдыхай.

И ушел.

Я не стал искать людей и воровать топор. Я нашел Тхя. Мы пошли на болото и принялись там руками-ногами валить и ломать сухостой, вымещая на нем накопившуюся

злобу. «Ко мне все пристают, - жаловался Тхя, одним ударом перерубая толстый ствол, - думают, если я кореец, то должен непременно знать какое-нибудь тэквондо. Я раньше пытался возражать, а потом плюнул, и теперь говорю просто: да, знаю. А когда спрашивают, в какой школе работаю, отвечаю сурово, со значением - в Школе Молодого Тигра!».

Горело сухое дерево великолепно. А сквозь ветхий одинарный брезентовый полог, который мы где-то добыли для палатки, были видны звезды.

В степи матерился бухой замполит.

Назавтра минометные экипажи возились с атомной бомбой, а мы бездельничали на НП. Валялись на броне и смотрели, как двое связистов из батареи управления бегают в противогазах вокруг своей машины.

После обеда меня, как шибко грамотного, включили в комиссию по учету остатков и списанию негодного продовольствия. Тем более, я в этом году разворачивал полевую кухню, да так лихо, что бригада впервые за всю свою историю получила горячий завтрак уже на следующее утро. Жертв, как обычно, не было, только я наглотался солярки, заправляя плиту, а начальник штаба чуть не слопал пулю от АК, которая оказалась у него в каше.

Обнаружили три вздутых банки тушенки. «Просто выкинуть нельзя, - сказал майор Кудинов, возглавлявший комиссию, - вдруг какой-нибудь чурка найдет и сожрет. Пойди эти банки поруби». Мне дали топор, я пристроился у колоды возле кухни и две банки покромсал благополучно. Ну не было у меня опыта обращения с протухшей тушенкой!

Третья банка вздулась основательно. Я тюкнул по ней топором. Раздался громкий хлопок. Проходившие мимо солдаты бросились врассыпную. Отвратительно пахнущее розовое мясо образовало купол гарантированного поражения радиусом около трех метров. Максимальный разлет ошметков оценили потом метров в десять. А в эпицентре взрыва стоял ваш покорный слуга - с топором в

вытянутой руке.

Как от меня несло!!! Я почистился снегом, а приятели-повара из столовки вылили на мой комбинезон флакон одеколона «Цветочный», который как раз собирались выпить. К вони тухлого мяса прибавился одуряющий аромат дешевого парфюма. Когда я забрался в палатку, Тхя сказал - да-а, хорошо, у нас полог одинарный и дырявый! Тут явился с претензиями четвертый дивизион. Пилу мы, что ли, у них опять свистнули. Тхя скомандовал: Олег, займись. Олег только высунулся. Коллеги решили отложить разговор на потом и ушли очень быстро.

Минотавр, приняв на грудь по случаю окончания стрельб, вспомнил обо мне и решил поразвлечься воспитательной работой. Не на того напал! Офицеров так перекосило от моего запаха, что я из их палатки убыл, не успев толком прибыть. И на прощанье заткнул им трубу заранее припасенной тряпкой.

Утром мы свернули лагерь и поехали в Белую Церковь. Превращаться обратно из самоходчиков в чернорабочих и заниматься фигней: красить заборы, рыть канавы, ворочать железо.

Но сначала - отстирывать мой комбез.

Кто бы знал тогда, что полкан все-таки уйдет на давно ожидавшееся повышение, и вместо него пришлют комбригом не обычную пьянь, а настоящего алкоголика и психопата. И начнется полный дурдом! Такой, что мы с Минотавром станем лучшими друзьями, и он будет меня защищать, а я его всячески поддерживать! А потом комбриг, в самый разгар проверки нас комиссией округа - исчезнет! Оставит часть! И его будут трое суток искать! И найдут в канаве! И я, стоя дежурным по штабу, увижу, как два генерал-лейтенанта волокут под руки заблеванного подпола в обмоченных штанах!

И один из генералов понимающе кивнет мне, когда я демонстративно заложу руки за спину, чтобы не приветствовать своего комбрига отданием чести.

ГЛАВА 2

Начальник штаба Бригады Большой Мощности подполковник Мамин сидел, тяжело облокотившись о стол, подперев руками подбородок, и очень несчастными глазами смотрел в никуда.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - сказал я, заглядывая в кабинет.

- А, Олег… - слабым голосом отозвался Мамин. - А что это ты тут делаешь?

- Заступаю дежурным по штабу. Вот, хожу, смотрю недостатки.

- И какие у нас недостатки? - спросил Мамин с такой предсмертной интонацией, будто у нас кроме недостатков уже ничего не могло быть.

- Да как обычно. Разбито стекло на лестнице, не горят две лампы в коридоре, сломано электрополотенце в таулете, на двери пятой комнаты нацарапан косой крестик.

- Пятой? - через силу удивился Мамин. - Это же моя.

Я молча толкнул дверь, чтобы ему было лучше видно.

Мамин разглядывал косой крестик где-то с минуту.

- Это, наверное, «хуй» хотели написать… - пробормотал он наконец.

И спрятал лицо в ладонях.

НОЧНОЕ ВОЖДЕНИЕ

па де труа

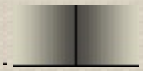
Действующие лица и исполнители:

Командир батареи капитан Каверин в роли дежурного по части

Автор в роли дежурного по штабу

Нечипоренко и Остапец

Следующая страница



- Развернуть!

И так до посинения.

За пять дней до зимних учений Минотавр вдруг говорит, что на миномет я не пойду. Не хрена мне там делать. А пойду я старшим радиотелефонистом на его, Минотавра, машину. Потому что кроме Тхя и меня в таком деликатном вопросе надеяться не на кого. Но Тхя сядет на свое штатное место, за дальномер. Короче - я с рацией умею обращаться?

- Товарищ майор, вы же знаете, я кроме автомата и пишущей машинки ни с чем не умею по-настоящему обращаться. Так, в самых общих чертах…

- М-да? А кто миномет покрасил?

- Одну гусеницу?

- Хм. Ну, найди кого-нибудь, пусть тебя научат.

Я нашел кого-нибудь, и меня научили.

Мы учиться-то любили. Минометом шевелить, конечно, утомительно, а все веселее, чем лопатой махать. При наличии доброй воли и толики мозгов азы любой армейской специальности осваиваются даже не быстро, а очень быстро. Но дальше надо бойца много и упорно тренировать. Дрессировать. Погружать в профессию. Иначе он будет не боец, а пушечное мясо для агрессивного блока НАТО. И вот с регулярной дрессировкой в ББМ были проблемы. Потому что мы постоянно заняты - то копаем, то закапываем, то строим, то ломаем. Да-да, и ломаем тоже. Когда я только пришел в часть, веселый дед сержант Верчич

уничтожал пулеулавливатель. Я не мог понять, зачем эту кирпичную штуку, предназначенную для безопасного разряжания автоматов караула, разносят в пыль кувалдами. А Верчич мне говорит: «Ты заметил, что в ББМ караула нет? Он когда-то был, а потом молодые начали по всей армии отстреливать дедов - и начальство наше пересрало. Теперь полкан решил, надо сделать вид, что караула вообще не было. Чтобы не заставили его снова ввести. Мы еще и караулку сломаем, если прикажут. Это правильно, а то вдруг какой-нибудь мудак вроде тебя решит нас из автомата покрошить».

В одном Верчич ошибался. Доведенные до отчаяния молодые не «начали отстрел дедов». Просто информация об убийствах стала доступнее - и для офицерства в том числе. А то, знаете ли, есть такое мнение, что в СССР самолеты не падали, и не «размораживались» зимой целые города. И «демографической ямы» у нас не было, и страна не сидела на «нефтяной игле». Это все устроили алкаш Ельцин и жирный уродец Гайдар на деньги американских сионистов… Ой, простите, снесло меня куда-то боковым ветром.

Я сначала поражался таким откровенно детским решениям - «сделать вид, будто ничего не было». Еще меня шокировала распространность приема «мы вас ничем не обеспечим, но вы сделайте что приказано». Но в Вооруженных Силах СССР все это прекрасно срабатывало! Теперь помножьте такой детский сад на разболтанность вертикальных и горизонтальных связей - и вы получите войско, которого вполне обоснованно боялась Европа.

Это войско само себя побаивалось. Знало, за что.

Вот, поехали мы на ночные стрельбы из личного оружия. Была у нас пара автоматов с рамкой для крепления ночного прицела. Стволы пристреляли, бойцов подучили обращаться с инфракрасной оптикой. А насчет собственно попадания в мишень сказали, что делать ничего не надо - только лови цель на фиговинку в визире, дальше автомат без тебя справится. Мы радостно залезли в грузовик, поехали на стрельбище и долго там валялись в траве, ожидая, пока стемнеет. Минотавр со стрельбищенской администрацией поддал, и все было замечательно.

Пока не выяснилось, что все ужасно. Потому что стрелять мы должны не с ночным прицелом, а с фосфорной насадкой на мушку. Которой, разумеется, нет, и даже никто не знает, как она выглядит. А оценку за эту стрельбу нам поставят либо сегодня, либо два балла.

И мы снова обрадовались, ведь еще не стемнело до такой степени, когда землю от неба не отличишь. Значит, можно задрать ствол, кое-как поймать мушку в прорезь на темно-синем фоне, зафиксировать автомат в таком положении, медленно его опустить в темноту… А мишень слегка подсвечивается. Короче, жми мягко, и оружие само куда надо попадет.

Все попали - и в третий раз обрадовались.

Ну просто какой-то праздник, который всегда с тобой.

А могли бы рвать тельняшки и орать: «Нас предали! Судью на мыло!»

Но, как следует из Устава, мы обязаны были «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы». Нигде в Уставе не написано, что идиотизм и головотяпство к тяготам и лишениям не относятся. Скорее наоборот, это

подразумевается. Ну, и мы их - стойко. С огоньком и юным задором.

По сравнению с ПППЛС нам многое казалось мёдом.

Специфика «кадрированной» войсковой части. Она живет в ожидании войны. И когда война приходит, часть снимается с места и скрывается в лесах. Там она разворачивает Передвижной Пункт Приема Личного Состава - и сидит, пока Личный Состав ее не настигнет. Теперь представьте, какое это сомнительное удовольствие: полтораста человек должны принять, обиходить, накормить, одеть, вооружить и слегка потренировать тысячу пятьсот! А если зимой?!

Обычно ББМ только имитировала боевое развертывание. То есть она срывалась (всегда совершенно внезапно, в полшестого утра) по тревоге. Выгоняла машины из боксов. Дожидалась офицеров. Потом загоняла технику обратно, завтракала, цепляла заранее нагруженные прицепы к грузовикам и катила в лес, где ставила палатки и размещалась в них с умным видом, якобы ожидая пополнения. Сразу оговорюсь, стопроцентной показухой это не было. На каждом ящике для угля красовалась надпись «УГОЛЬ», и все «буржуйки» поддавались растопке.

Первый раз я разворачивал этот кошмар, слава богу, летом. У нас тогда еще были допотопные палатки с тяжеленным дерматиновым пологом, дубеющим на холоде. И мы радовались - опять-таки радовались! - что тепло. А через полгода мы очень радовались, что возимся при минус десяти с новыми легонькими брезентовыми палатками, а сами упакованы в чудесную зимнюю форму на ватной подстежке.

Деды вздыхали и жаловались, что не застали легендарное «полное развертывание», случившееся парой лет раньше. Тогда ББМ действительно вышла в «запасной район» нешуточно, целиком и полностью. Пёрла на себе всё, вплоть до матрасов и столовых ложек. И когда бригада честно сделала, что от нее требовалось, то легла вповалку. Но отлежавшись, она все-таки приняла своих «партизан» - приписной состав, дядек в возрасте до сорока пяти, которые решили, что если уж их оторвали от мирной жизни и заставили играть в войну, так играть надо весело.

Говорят, слегка протрезвев, офицеры собирали разбросанные по кустам автоматы.

Сожалею, что не присутствовал при сей виктории хотя бы мичманом. Да, это была, если верить легендам, полная задница. Тогда побили машины, попортили немало оборудования, и кто-то что-то себе сломал. Все страшно устали, обратно из леса бригада едва ползла. Но мы, честное слово, мечтали, чтобы такое безобразие пришлось и на нашу долю. Черт с ним, с «партизанским» самогоном - выпивки у нас хватало. Просто хотелось поучаствовать в том, для чего ББМ была действительно предназначена. Мы подозревали, что справимся, но - насколько хорошо?

Чтобы было взаправду. Самомнение бригады очень страдало от того, что мы выгоняли на полигон всего лишь по четыре пушки и миномета с условно боеспособными экипажами. А я помню, как вообще по одной машине стреляло от каждого дивизиона ББМ. Оно, конечно, давало копоти, а иногда еще давало шороху - и даже просраться кое-кому давало! - и вокруг крутилась целая стая наших кашээмок. Но все понимали,

какая это жалкая пародия на реальную стрельбу. Такую бешеную, когда уже и своих не боишься, не то, что чужих.

А пока мы привинчивали «значки член ВЛКСМ», предъявляли наличие портянки и демонстрировали знание строевых приемов с оружием и без. Начищенные и отглаженные, мы маршировали и пели. Бегали кроссы и штурмовали полосу препятствий. Докладывали скороговоркой про миномет 2Б8 и самоходную базу СУ-100П. Дурили проверяющих как могли. И втайне надеялись однажды всем предъявить (и себе доказать в первую очередь) свою фантастическую крутизну.

Но даже та наша пушка, которую возили в Киев на показ - ну, помните, она еще с трейлера навернулась, - до места не доехала.

На полпути отбросил копыта тягач.

ГЛАВА 4

- Пойди клиренс принеси! - скомандовал Вася. - Он там, за минометом валяется.

Я замешкался.

- Клиренс, - повторил Вася. - Принеси. Ну?!

- Извини, - сказал я, - везде свои порядки. Понятия не имею, что здесь называют клиренсом.

- А по-твоему что такое клиренс? - прищурился Вася.

- Расстояние от нижней точки машины до земли.

- Образованный, сука, - заключил Вася.

И дал мне пендаля.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ФАНТАСТИКИ

трактат о сакральных артиллерийских приборах, секретных самоходных механизмах, тайных баллистических сущностях и поражающих воображение методах овладения ими, творчески переосмысленных бесстрашными солдатами и отважными сержантами Бригады Большой Мощности

Справедливости ради надо сказать, что с сержантом Васей Голинеем мы позже стали не разлей вода друзья, и многими знаниями по военной специальности я обязан именно ему. Хотя смысл ряда приборов был недоступен и Васе. «А хрен его знает, для чего эта хреновина, - говорил сержант в таком случае. И добавлял: - Думаешь, они сами знают? Да хрен там! Вот пойди, спроси у них. Потом мне расскажешь».

«Они» - это были те, кому положено знать.

В результате я так и не смог уяснить, зачем бывает теодолит. Отчего-то наши топогеодезисты окутали этот прибор завесой тайны. Про гирокомпас и курсопрокладчик они мне всякого наобъясняли, а как дойдет до теодолита - вдруг у них глаза мутнеют и голос садится.

Даже умница Тхя относился к теодолиту словно закоренелый язычник к самому уважаемому идолу.

- О-о… - рассказывал он мне про теодолит. - Это у-у…

Сакральный какой-то прибор. Когда солнце в зените, можно залезть под его треногу, усесться по-турецки, и макушка спрячется в тень. Сам видел. Может, он для этого?

Гирокомпас нужен чтобы уйти в радиомолчание. Потому что когда он крутится, ничего нельзя делать - чуткий очень инструмент. Даже ходить по броне, и то нельзя. Только

спать можно. Далеко от рации, естественно. Если пропал экипаж на топосъемке, значит точно, когда отзовутся, то сонным голосом объяснят: не могли разговаривать, запускали гирокомпас.

А курсопрокладчик это умнейшая машина, которая иногда с непутевыми артиллеристами играет злые шутки. Функция его такая: ты едешь, а он за тобой записывает. Рисует на карте. Вот так катались наши по Германии, делом занимались, снимали какие-то пути куда-то, потом завернули в пивную, а курсопрокладчик выключить забыли. Ну, он соответствующую загогулину на карте и изобразил. Начальство было в восхищении - надо же, сами на себя донос настрочили!

А есть еще железный ящик под названием ПУО, сиречь Прибор Управления Огнем. Это чтобы вычислителям жизнь медом не казалась. Как они заартачатся, сразу ПУО в руки - и вон из машины, на броню, на свежий морозный воздух. Да он и летом не подарок, этот ПУО, недаром к нему ремни присобачены для переноски на спине.

И не спрашивайте меня, что такое «метеосредний».

А если на лазерный дальномер навинтить линзу-усилитель и замерить расстояние до сидящей на заборе вороны - кранты вороне.

Он так делает - вжжжжж! - лазерный дальномер. И кранты.

Полезный продукт высоких технологий.

А в командно-штабной машине система омывателя лобовых стекол на десять литров, которой все равно никто не пользуется, потому что ездим мы «по-походному», когда механик из люка торчит, и значит, в этой системе можно такое забодяжить - у-у-у!!!

А сколько консервов, сигарет, конфет, самогона удается в кашээмке спрятать - о-о-о!!!

Не сердитесь на солдата, он воюет как умеет.

Когда американцы кладут свои продвинутые высокоточные бомбы куда попало, а то и себе на голову, я не удивляюсь. «Потери от дружественного огня» самая

больная тема для военных всего мира. И самая засекреченная, пожалуй. А чего вы хотите: если у нас на учениях случались иногда чистые аномалии, то на реальной войне просто должен твориться реальный же бардак.

Докажите обратное ребятам из бригады, где один и тот же экипаж пушкарей дважды пытался подорваться на собственном снаряде. Один раз традиционным способом, второй - в извращенной форме.

Или вот случай типа «оно само приползло». Сидим на НП, никого не трогаем, передаем целеуказания. Все идет по плану. Мы своим: цель сто вторая, пехота укрытая, внакладку подавить, огонь! Они: рады стараться, бух! Над нами: фрррр! Мы: слава богу, пронесло… Спереди: хлобысь!!! Минотавр: надо же, опять попали, бывает же такое, господабогадушумать!!!… Короче, нормальная работа артиллерии большой мощности. И вдруг на нашей основной частоте возникает какой-то «Днепр», отважно штурмующий высоту сто пять и пять.

- За мной! В атаку! - орет «Днепр» как резаный, уши вянут от него.

- Грёбаный ты несусветный Днепр! - кричит ему Минотавр. - Уйди с моей частоты к такой-то матери, чтоб тебя и так и эдак!

- Уррраааа!!! - откликается «Днепр».

Я пытаюсь вызвать Минотавра по внутренней связи, но это дохлый номер. Встаю, из кормового отсека заглядываю в башню и вижу, как на Минотавре приподнимается шапка: лезут рога.

- Товарищ майор, разрешите перевести дивизион на запасную частоту!

Минотавр не слышит. Он в эфире. Кроет «Днепр» матом. А у нас всего ничего до следующего залпа, и дивизион натурально оглох из-за этого «Днепра» - чтоб его заколдобило там, у незнакомого поселка на безымянной высоте!… От дальномера отрывается Тхя и машет мне: делай, что хочешь, только что-нибудь делай! Я сажусь на место и самовольно отдаю дивизиону приказ сменить

частоту. Уповая на то, что обговорил резервные частоты с другими связистами лично. И для меня ребята - сделают. На Минотавра они клали с во-от таким теодолитом. С раннего утра стреляем, надоело уже, любой затык на связи воспринимается как лишний повод отдохнуть.

Потом целую минуту я обливаюсь потом. Ведь остальные радисты - такие же, как я, молодые дураки не старше двадцати лет. У них мозги набекрень от постоянных размышлений об еде, сне, сексе и увольнении в запас. Жрать, спать, трахаться и на дембель они хотят даже когда спят. «О чем вы думаете, сержант, глядя на это гордо возносящееся в небо красное знамя? - О бабах, товарищ майор…». Значит, не исключен вариант, что через минуту штаб со мной будет говорить на одной частоте, я окажусь на другой, а огневая просто затеряется в коротких волнах и сгинет. А Минотавр продолжит конструктивное общение с «Днепром». И кто будет виноват?!

А вы говорите - высокоточное оружие.

Минотавр так и не заметил, что мы частоту сменили. Тхя протянул руку у него за спиной и верньер крутанул, а дальше автоподстройка справилась. У нас старые были станции, без кнопочек.

- Ушел этот Днепр с нашей частоты, сука! - сказал довольный Минотавр, втягивая рога обратно. - Слыхал, как я его?…

Тридцать один и девять десятых килограмма взрывчатки тебе на голову! Мы же с Тхя чуть не сдохли! Только Зозуля, наш механик, в носовом отсеке от хохота давился, гад такой. С разбитой бровью.

Он поутру, вылезая из люка, зацепился капюшоном за стопор. Люк расстопорился, врезал Зозуле по затылку, и механик треснулся мордой о бронированный козырек триплекса. В дешевых комедиях такие трюки обожают. Уронил на себя шкаф, наступил на банановую кожуру и выпал в окно. А я, когда разбитую бровь увидел, чуть за голову не схватился. Ясно было: придет Минотавр, закатит истерику. Потому что таких идиотских травм люди сами

себе не наносят. Зачем вы избили механика, сержант?! Дедовщина, трам-тарарам?!

Так и вышло. Хорошо, я с детства не терплю несправедливых обвинений. Реагирую неадекватно. Могу ступорнуть, могу начать дурацки хихикать. А могу и ответную истерику выдать.

На Минотавра я конкретно рявкнул. Он от удивления резко сменил тему.

А хитрый Тхя в носовом отсеке спал.

Это называется «стойко переносить тяготы и лишения воинской службы».

Вы-таки хотите, чтобы мы еще и воевали?

Думаю, перевести миномет 2С4 «Тюльпан» из походного положения в боевое и остаться в живых, я смогу даже сегодня. Наверное даже зарядить эту штуку сумею, не взорвавшись. И прицел к ней присобачить, не отдавив себе пальцы. И поглядеть в прицел с умным видом.

А дальше, поскольку без комплекса топопривязки и наведения «Тюльпан» просто груда крашеного железа, останется довернуть ствол на глазок, ткнуть кнопку… И кто не спрятался, я не виноват.

Впрочем, даже если передать мне целеуказания, толку не будет - я напрочь забыл, что все эти числа значат, и какие из них следуют команды наводчику. «Цель сто вторая, щель половая, внакладку подавить, трам-тарарам!»

Да ладно, чего стесняться, я младший сержант без классной квалификации, антисоветчик и раздолбай. А вот мне еще в учебке один старлей, отличник боевой и политической подготовки, рассказывал: «Поехали с минометом на показ. Долго распинались перед генералами. Всё объяснили, что только можно. А один генерал бродил-бродил вокруг «Тюльпана», восхищался, языком цокал, и вдруг спрашивает: а если танки на вашу огневую полезут, как отбиваться будете? Прямой наводкой сможете? Я: а как же! Сможем прямой наводкой! Генерал: ну-ну, молодцы…». Просто как в том анекдоте. «Товарищ майор, вот скажите, ведь снаряд из пушки летит по параболе?

Значит, если положить пушку на бок, из-за угла стрелять можно? Майор: наверное, можно… Но по Уставу не положено!».

Один бывший снайпер, узнав, что я служил по части навесной стрельбы, заскрипел зубами и признался: «Ненавижу минометы!». Оказалось, его однажды накрыло батальонными 82-мм. Бедняга от тоски и безысходности навалил в штаны. Когда я объяснил, что у нашего миномета ствол длиной пять метров, а в мине тридцать два кило взрывчатого вещества, снайпер пожал плечами и сказал: «Ну, это уже не страшно, наверное. Это уже… Все равно».

Близко к истине. Артиллерия большой мощности, она, знаете, такая стихия, навстречу которой можно только широко улыбнуться. Потому что тебя сдует как пушинку.

Ну, поскольку на каждую тяжелую гирю найдется своя глубокая лужа, нас тоже когда-нибудь сдует. Есть средняя цифра живучести артдивизиона БМ в условиях боя. Кажется, три часа. Подчеркну - средняя цифра. Кто-то успеет развернуться, жахнуть, свернуться и удрать. А кто-то не успеет свернуться, и его в ответ накроют ракетным залпом. И это, кстати, очень жаль, потому что солдата или сержанта запросто может родить любая баба, а установок 2С4 «Тюльпан», если верить статистике, на всей планете только четыреста штук. И в свободное от идиотских выходок время мы этими машинами очень гордились.

Я своей даже гусеницу покрасил.

Считается, что я. На самом деле этот миномет красили с незапамятных времен. С ним трахался сержант Верчич, потом мучился Вася Голиней, но какой-то внешне заметной стадии процесс достиг, когда формально отвечал за миномет уже я. И лавры героя, способного покрасить гусеницу, обрушились на мою ни в чем не повинную голову.

Вообще-то мы должны были покрасить всю машину, но это оказалось выше человеческих сил.

Представьте себе двадцать семь тонн железа сложной конфигурации. Если совсем тупо - гигантское охотничье

ружье, привинченное к здоровому бронированному трактору. И вот этот, с позволения сказать, предмет, под управлением механика-водителя по прозвищу Батя, носится туда-сюда, как укушенный. Запросто развивая шестьдесят километров в час на любой местности. Ну, до сорока на пересеченной, а то «ружье» отвалится. Местность им с Батей по фиг. У них пятьсот двадцать лошадиных сил и широченные гусеницы. Правда, иногда вдруг кончается топливо, потому что Батя, увлекшись, забывает переключить крантик. И капитан Масякин грозится, что однажды в воспитательных целях заставит механика переливать солярку из бака в бак шлемофоном. Батя вяло огрызается. У него сколиоз, плоскостопие, геморрой, фурункулез и еще какая-то фигня. Как его такого вообще в армию взяли, загадка. Кто эту двухметровую унылую жердину записал в механики-водители, тоже вопрос. Но у 2С4 довольно просторный водительский отсек, удобное кресло, и Батя в нем помещается. И гонять на миномете он любит.

Миномет ездит, разворачивается, сворачивается, закапывается, откапывается, стреляет. Долбит так, что за два-три километра «бубух» слышно сквозь легкую броню. Гениальная машина. Но ее же после всего этого надо перед покраской отмыть! А потом тщательно протереть уайтспиритом! Чистим, моем, протираем. И тут наш экипаж отправляют рыть канавы. Или строить заборы. Или разгружать боеприпасы. Мы приходим через неделю и видим, что миномет запылился. Мы снова изводим на него литры растворителя и метры старых простыней. И нас опять куда-то срывают. И миномет опять пыльный.

В конце концов сержант Вася Голиней собирает консилиум - мы стоим вокруг машины и делаем вид, что думаем, как ее покрасить. На самом деле мы думаем, как нам все это надоело, до чего же хочется спать, есть, трахаться и домой к маме. Приходит капитан Масякин и интересуется, почему мы не красим миномет, а стоим вокруг него с глупыми лицами. Масякину объясняют,

почему. Капитан включается в общий мыслительный процесс. Наконец кто-то говорит: надо красить по частям, иначе никак. Масякин сдвигает фуражку на нос и чешет в затылке. Капитан вовсе не глуп и все отлично понимает. Просто ему тоже здесь надоело, хочется есть, спать и так далее, хоть он и офицер. А еще капитану заранее ясно, чем может закончиться такая окраска. Но красить все равно надо, поэтому Масякин с тяжелым вздохом дает «добро». Мы выгоняем машину из бокса и срываем с нее гусеницу. Матерые деды оттирают молодняк, хватают кувалды и начинают с дикими воплями колошматить несчастную гусеницу, будто пытаясь выместить на ней всю свою ненависть к Советской Армии и заодно Военно-Морскому флоту. Потом они, конечно, устают, и дальше ржавчину сбивают молодые. Затем мы орудуем щетками с металлическим ворсом. И наконец-то красим эту гусеницу. Дочерна! Вусмерть! Тут как раз уходит на дембель Вася Голиней, и миномет с крашеной гусеницей достается по наследству мне. Экипаж сажает гусеницу на место, убирает машину в бокс, и больше я ее не вижу до конца службы. Потому что надо копать, строить, грузить-разгружать. Еще бирки писать и вешать. Как сказал один умный политработник - что останется от нашей армии после ядерного удара? Бирки и таблички.

В процессе работы над гусеницей происшествий не случилось, только навернулся вниз головой с двухметровой высоты младший сержант Ващик. Надел сапоги с победитовыми подковами. Так, для форсу - ходил, высекая искры из бетона. Потом зачем-то полез на миномет. Самоходчики вообще подков не носят. Не потому что можно поскользнуться и вонзиться головой в бетонку, а чтобы краска с машины не обдиралась.

Да, и еще обалдуй Батя, маневрируя в боксе, размазал по стене бочку со ста литрами уайтспирита.

Спасибо, бокс не развалил.

Мы такие, нам врагов не надо, сами обойдемся. Помню, направили капитана Черемисина машины в боксе

подровнять. Чтобы стояли как по линейке в ожидании проверки. Механик заводит кашээмку, Черемисин ему руками семафорит. И то ли механик слишком резко сцепление бросил, то ли еще чего, но машина прыгает назад и дает кормой по морде кашээмке, стоящей в заднем ряду. Вас никогда по морде задницей не прикладывали? Ничего смешного, говорю ответственно, как игравший в регби… Так эта дура мало того, что бьет заднюю машину, она еще сдвигает ее с места, упирает в стену, и гусеницами по бетонке вхолостую шварк-шварк-шварк! Капитан Черемисин, недолго думая, срывает со стенда пожарный багор. Механик вышибает из-под сиденья стопор, проваливается в люк и захлопывает крышку. А Черемисин, подпрыгнув, багром по крышке - хрясь!

Минут пятнадцать он вокруг машины бегает, размахивая багром и крича: «Выходи, подлый трус!». А механик ему в ответ глухо из-за брони: не выйду я, товарищ капитан, вы же меня убьете на фиг…

Вот зачем они так оба, а, кто ответит?

Вот зачем новый командир приказал сцепить тросами машины переднего и заднего ряда? У нас в боксах спереди машины учебно-боевой группы стояли, а сзади те, что на консервации. И командир говорит: а вдруг пожар?

Любят новые командиры, едва в части появившись и еще ничего не поняв, огорошить старожилов таким вопросом. А вдруг пожар, а вдруг война со Швецией, а вдруг, что самое ужасное, внезапная проверка?

Делать нечего, народ полдня корячится с тросами. Чтобы, значит, если пожар или война со Швецией, завести передние машины и вытащить задние из боксов волоком.

Хиханьки-то хаханьки, только наша кашээмка, смешная такая железная коробочка на гусеницах, застрявший в песке БТР выдергивает в одно касание. Сам участвовал. И когда задумаешься, какая в этой коробочке дизельная мощь с турбонаддувом, шутить уже не хочется. Движки в «консервированных» машинах не сухие, топливо есть, а то, что без аккумуляторов, это несущественно. Дизель летом «с

толкача» заводится только так. И едет, едет, едет… Вот передняя машина дернет, а через пару секунд задняя ей носом по корме ка-ак треснет!

Все это знают, но молчат. Поэтому я к Минотавру подхожу и тихонько говорю:

- Товарищ майор, вы сами-то понимаете, что приказ дурацкий?

- А что ты предлагаешь?

- После того, как командир проверит выполнение приказа, надо машины по-тихому расцепить. Пусть тросы на полу валяются.

Минотавр глядит на меня со сдержанным уважением и вдруг спрашивает:

- Теперь понимаешь, каково это - быть командиром дивизиона?

- Теперь понимаю. Мне вас даже иногда жалко.

Минотавр смеется и хлопает меня по плечу.

- И все-таки, - говорю, - товарищ майор, а если хотя бы для успокоения совести вскрыть задние машины и переставить их на нейтралку?

- Они и так должны стоять на нейтралке.

- Они много, чего должны.

- Да, это точно…

Ничего мы решить так и не успели, потому что началась беготня, какие-то дурацкие тревоги и строевые смотры. Внезапная тревога ввергла нового командира в шок: минут десять ББМ просто не понимала, чего от нее хотят. Все сидели в кроватях, вертели головами и удивлялись - зачем это по проходу так отчаянно скачет дежурный офицер и так страшно кричит?!… Строевой смотр тоже, мягко говоря, не задался.

А через неделю сержант Карнаухов (для друзей просто Ухо) решил за каким-то чертом выгнать из бокса свою кашээмку. Ухо позвал механика и сказал: заводи. Тот завел. А Ухо пошел спрашивать разрешения на старт у своего комбата капитана Мужецкого, как нарочно стоявшего дежурным по парку.

Будь Мужецкий индейцем, его прозвали бы Приносящий Геморрои. Вечно в его присутствии случалась какая-то фигня. Не война со Швецией, так пожар. Но мы были не индейцы, поэтому именовали комбата просто Капитан Африка - он давно собирался и никак не мог уехать рашен милитэри специалистом на Черный Континент.

Вероятно Ухо решил, что раз пожар мы с Мужецким уже однажды устроили, то войны со Швецией можно не опасаться.

А зря.

В общем, минут десять механик грел машину, вокруг бродили люди, и никто ничего не вспомнил, никто не задал ни одного недоуменного вопроса. Тут подошли Ухо с капитаном. Ухо махнул рукой. Механик воткнул передачу и поддал газку.

«Это случилось так быстро, я рта не успел открыть!» - говорил потом капитан Мужецкий. По моим наблюдениям (мы же вместе с ним горели), он всегда так говорил. И всегда успевал именно что открыть рот, широко-широко.

Не на нейтралке стояла задняя машина, ох, не на нейтралке. На второй. Едва тросы, о которых все забыли, натянулись, она мгновенно завелась. Прыгнула вперед и так наподдала бронированным носом передней машине под хвост, что звон разлетелся по всему парку.

Еще разлетелась в клочья СЭП, станция электропитания - недешевенький железный ящик, висевший у передней кашээмки на корме.

В тот же день командир отдал приказ: расцепить все машины к чертовой матери! Что мы и проделали с немалым удовольствием. Военная техника, она особенная. Производит впечатление одушевленной. А может, и есть такая. И фамильярности не терпит. Задавит, костей не соберешь.

Мальчишки военную технику любят. Любовью искренней и несколько разрушительной - ну, свойственной нежному своему возрасту. Вот, скажем, иду я ночью по делам. Прохожу мимо парка. А за бетонным забором ревут

дизеля, и снопы света разрывают темноту. Кто-то там носится между боксов на колесных машинах. Покатушки там.

Это заступил в наряд героический ВОХ, взвод обслуживания и хранения. Напоил мертвецки своего прапорщика. Расселся по грузовикам - пара техничек у них, самосвал, что-то еще.

И играет в догонялки.

ГЛАВА 5

Теперь, когда вы, уважаемый читатель, познакомились с Бригадой Большой Мощности и может быть даже прониклись к ней симпатией, настало время рассказать, как молодые люди попадали в ББМ. Мы с вами скоро вернемся в бригаду, увидим ее под неожиданными углами, от души посмеемся, немного попереживаем - книга длинная, впереди много интересного.

Нас ждут стрельбы и хозяйственные работы, выезд на командно-штабные учения, безумные армейские ритуалы, гонки по пересеченной местности, встреча с Кинг-Конгом, общение с генералами, «стодневка» и так далее, вплоть до «дембельского аккорда», увольнения в запас и чисто мужского кошмарного сна «снова в армию забрали». Некоторые главы будут тематическими, но и в них армия рассматривается сквозь призму Бригады Большой Мощности.

А сейчас отвлечемся на несколько глав и узнаем кое-что о самом авторе и извилистом армейском пути, который привел его в ББМ.

КЛЮЧ - НА «СТАРТ»

краткое содержание предыдущих серий,
вырезанных из-за несоответствия теме сериала

Прибыл я в армию красиво. Везли меня прямо как жениха какого: одного в целом автобусе, да еще при капитане-сопровождающем.

- Что бы это значило? - спросили капитана на сборном пункте.

- Да вот, студенты, роскошные парни, служить не хотят, - процедил капитан сквозь зубы.

- Повестки надо вовремя присылать, - буркнул я.

- Умный какой, - сказал капитан.

И на всякий случай крепко взял меня за локоть.

До конца осеннего призыва 1987 года оставалась неделя.

«Угрешка» - слово, хорошо знакомое большинству мужчин-москвичей. Это сборный пункт на Угрешской улице. Сумрачное место, совершенно не приспособленное для жизни. Если призывник засиживался «на угрешке» день-другой в ожидании своей партии, его отправляли домой, а потом вызывали снова.

Армия для москвича начиналась «на угрешке», и там же начинались неуставные отношения. Первое, что я услышал от моих товарищей по партии - как здешние солдаты пытались заставить одного призывника мыть туалеты. Парень был не из тех, кто посылает в ответ, и уже взялся за швабру, но тут прибежали наши. Надо сказать, солдаты рисковали. Столичная прописка лишала нас права служить в Москве. И за предложение вымыть туалет в этом благословенном городе, который был для нас закрыт, что называется, «по праву рождения», непуганые призывники могли крепко вломить товарищам военнослужащим.

Указание «убрать москвичей из города» прозвучало еще

весной. Исполняли его так рьяно, что загремел на кудыкину гору даже мой приятель-журналист, проходивший срочную в пожарной охране и выпускавший «пожарную полосу» в милицейской газете «На боевом посту». Вышвыривали наших отовсюду и усылали далеко, поначалу минимум километров за триста. Причиной дискриминации стала, по слухам, дорожная авария, когда военный грузовик с пьяными москвичами, ехавшими то ли по бабам, то ли в магазин за добавкой, задавил кагэбэшную «Волгу». В реальности наверняка было не так, но все равно мы стали персонами нон грата в собственном городе.

Случались и исключения, где за взятку, где по наплевательству, где по особому распоряжению. Один мой одноклассник как сидел на узле связи в подмосковных Мытищах, так на нем и остался. И не тронули, понятное дело, «мосфильмовский» кавалерийский полк, базирующийся в Голицыно: там служили дети работников киноиндустрии.

В общем, «на угрешке» собрались заметно озлобленые ребята. И одинаковые. Из Москвы тогда было модно призываться одетым в заношенные джинсы, телогрейку и дурацкую вязаную шапочку с помпоном. Плюс старый брезентовый рюкзак. Столичный шик, так сказать.

Было очень муторно ждать. Призывники надрывно шутили, подбадривая друг друга. Я сидел на жестком топчане и пытался не думать, куда меня отсюда занесет нелегкая. По идее, я не должен был уехать совсем далеко. Один мой университетский одногруппник угодил аж на мыс Шмидта - практически край Земли, - и куковал там в обнимку с какой-то страшной ракетой. Другого угораздило мало, что в Монголию, еще и в железнодорожные войска, и теперь он клал шпалы через Гоби и Хинган. Я ни в Монголию, ни на край Земли не собирался. Не потому что был особенный, а из личной вредности. Ну, разозлили. Это случайно вышло. Чтобы все объяснить, придется вкратце изложить предысторию.

Я учился на факультете журналистики МГУ.

Международное отделение - тридцать человек на курс, только мужчины, «годные к строевой». По большей части отпрыски дипломатов, журналистов-международников и прочей внешней разведки, слегка разбавленные детьми «творческой интеллигенции», военных и партработников. Чистая анкета, рекомендация от райкома комсомола, два творческих конкурса. Нам твердили, что мы элита и штучный товар, единственные конкуренты МГИМО. А чтобы не задирали носы - вот вам «программа сбивания спеси с международников». То есть 1 сентября, когда все пошли учиться, мы двинули на овощную базу. А через месяц - на «картошку». И так далее. Хотя график занятий у нас был плотнее, чем у других, и экзаменовали «международников» строго.

И все мы, как один, должны были отслужить в армии, иначе - пошел вон, на «общее отделение».

Армия была пропуском в ВУЗ для многих. Дембель имел льготу на поступление, которая перевешивала не только слабые оценки, но иногда и минусы в биографии. Один из моих ближайших друзей по ББМ, связист Генка Шнейдер, мог «откосить» по болезни. Но когда он сдавал экзамены на харьковский истфак, ему прозрачно намекнули, что с такой широченной жидовской мордой не мешало бы сначала Родине послужить, а потом уже в историки лезть. Генка, сын сапожника, плюнул - и призвался.

А мы, «международники» нацеливались на самую престижную советскую профессию. «Опять нелегкая судьба журналиста забросила меня в Париж…» Ради такого стоило в армию сходить.

Мы считали, что это справедливо.

Иллюзии начали развеиваться к концу первого курса. Журфак образца 80-х давал неплохое «общегуманитарное» образование, но ввести человека в профессию не мог: что такое один час занятий по специальности в неделю?! Поэтому все, кто хотел работать, делать реальное дело, сами пристраивались в газеты и на радио. Конечно, они «забивали на учебу». Иногда намертво. Чемпионом

журналистского сообщества был Юрий Щекочихин, числившийся на факультете десять лет, но так и не получивший диплом. В «Комсомольской правде» считалось нормальным позвонить на журфак и спросить: извините, я у вас еще учусь, или уже выгнали?

Оставаться на международном отделении имело смысл, чтобы впоследствии устроиться туда, откуда «посылают за границу». Но кому нужен этот журавль в небе, когда в руки сама просится синица размером с курицу? Уже на втором курсе половину отделения было днем с огнем не сыскать: люди зарабатывали себе имя и нарабатывали связи. Их фамилии появлялись на полосах центральных газет.

К весне 1987-го еще один фактор принялся расшатывать международное отделение нашего курса. Некоторых уже призвали, а остальные почуяли, что вот-вот призовут. И народ загулял. Все, как один, страстно влюбились и крепко запили. Вскоре раздолбайство «международников» достигло таких размеров, что нас вздрючил лично декан. Не хотите, говорит, учиться, тогда отчисляйтесь. А грехов за нами набралось - куда отчислять, расстреливать можно. Хроническое непосещение занятий, пьянство, блядство, антисоветская болтовня. Крутовато для элитного отделения, кузницы кадров внешней разведки. И началась бойня - аттестация. Мы заходили по одному в кабинет, где нас терзала комиссия. «А я этого молодого человека вообще не знаю!» - «А я вас знаю! Вы ведете русский у 16-й группы» - «А вы из какой?» - «А я из 15-й!!! (ура, ура, ура)» - «Да, но в этом семестре я веду русский и у 15-й тоже!». Пауза. Абзац. Я потом сорок минут эту даму уговаривал принять у меня экзамен. Сдал на пять, дама сказала, из принципа ставит четыре, я не возражал. Мне было почти девятнадцать, я шел в армию, многих мы уже проводили, традиционно занося в военкоматовский автобус на руках…

Ходить или не ходить в армию, такого вопроса не стояло. Даже у тех, кто разочаровался в «международке». И у тех, кто вообще наплевал на факультет, неделями пропадая в редакциях. Мы были слишком давно и плотно

замотивированы на военную службу. Нас несло в армию по инерции.

Горячего желания служить никто не проявлял. Если бы сказали, что это не обязательно, почти все остались бы, кроме самых идейных. Встречались еще мечтающие об Афганистане, но на них смотрели косо. Человек, рвущийся на откровенно «не нашу войну», выглядел то ли очень глупым, то ли очень кровожадным. Да и видели мы уже, с какими странными глазами оттуда возвращаются. Но, повторяю, все понимали, что идти служить придется. Во-первых, нас, мужчин 1967-68 годов рождения, очень мало. Военкоматы гребли всех, не обращая внимания даже на явные болячки (некоторых через месяц-два возвращали домой уже из войск). Во-вторых, было понимание того, что не служивший - человек, мягко говоря, трусоватый и не пригодный к нашей профессии. Мы воспринимали армию как жестокое испытание, и это тоже заводило: настоящий журналист должен увидеть всё. И дедовщину, и пресловутый «армейский тупизм».

Мы очень быстро взрослели. Нам просто надо было отслужить, чтобы почувствовать себя состоявшимися мужчинами.

Мы были готовы к холоду, голоду и грязи. Две «картошки» на поле Бородинской битвы даром не прошли. Но всеобщая бесхозяйственность и бестолковость, которую мы видели тут и там, отчего-то не подтолкнула нас к мысли, что в армии еще хуже. Мне не нравилась обстановка в стране, ухудшавшаяся год от года, а работа «журналистом на побегушках» и сортировка «писем в газету» укрепила во мнении, что у нас полный бардак. Но хотя бы в армии должен сохраниться относительный порядок! Она ведь армия!

К тотальной армейской безнадёге мы оказались не готовы. В письмах от ребят, ушедших первыми, между строк сквозило: здесь пусто, братцы, здесь ничего нет, нас ждут два потерянных года.

Тем не менее, я собрался уходить. Надо было увидеть все

своими глазами. Да и пример родственников, которые служили, подстегивал - я уважал этих людей. Наконец, хотелось самой службой «расплатиться с государством», не чувствовать за собой долга по отношению к Советской власти, которой мы все по гроб жизни обязаны - это нам вдалбливали с раннего детства.

В общем, я был морально готов к весеннему призыву 1987 года - и вдруг начались чудеса.

Мне полагалась отсрочка, чтобы доучиться второй курс и сразу после весенней сессии уйти. Я, собственно, так и планировал. И тут произошло странное: на меня открыл настоящую охоту военно-учетный стол. Задача этой неприметной конторы - следить, чтобы студент не засиделся на гражданке. Но если мои сокурсники вовсе не чувствовали вмешательства «стола» в свою жизнь, то вашего покорного слугу натурально «пасли». С какой стати? Что за чертовщина? Из «стола» звонили мне домой, присылали какие-то бумажки, и теребили военкомат, чтобы там не забыли студента призвать.

В военкомате, где тоже живые люди служат, меня спросили с неподдельным интересом: парень, ты чего натворил у себя в МГУ? Твоя фамилия уже у нас в печенках. Университет хочет от тебя конкретно избавиться. Сознайся, ты дочку ректора трахнул?

Я в ответ только улыбнулся - и они сразу все поняли, что хотели понять. И мои родители пришли к тем же выводам. Дело-то житейское, обычная история. Один я не хотел этого понимать, да и сейчас не понимаю. А тогда я вообще мыслил строго рационально: поздно искать причину, надо выкручиваться.

Я еще не знал выражения «это черный песец, военно-морской зверь». Но почуял, что кусачее животное подбирается вплотную. Вашего покорного слугу выталкивали с факультета в армию. И кто знает, закончится ли «опека» после отправки в войска? Вдруг постараются услать как можно дальше. И куда погорячее.

Меня эта ситуация даже забавляла, но тут жестко

вмешались родители. Неприятно, когда твоим сыном играют, как шахматной фигурой, просто из-за того, что он не ту девочку осчастливил. Нет, не дочь ректора, сразу говорю. Между прочим, два года разлуки не сыграли особой роли - точка в той любовной истории будет поставлена только в середине 90-х, всем спасибо.

А пока что папа с мамой хорошенько промыли мне мозги. Я увидел, как они взволнованы, и согласился: ладно, спасайте бедненького. Но одно условие. Я буду служить, как все нормальные люди. Не надо тепличных условий. Хочу, вернувшись, честно глядеть в глаза друзьям и коллегам.

Да-да, сказали мне. Мы только попробуем устроить, чтобы ты - вернулся. Чтобы не загнали за тридевять земель, или туда, где по тебе будут стрелять боевыми.

Знай они, что над головой их сына будут летать «чемоданы» по сто с лишим кило… Это ерунда, этим только гражданских напугать можно. А вот объясни мне кто тогда, что я по собственной дурости сунусь после учебки в Бригаду Большой Мощности… В бригаду, которая по-настоящему страшна не в поле, а в казарме, и не для чужих, а для своих… Ой, мама. Плевать, чего я там насмотрелся. Главное - что я вырастил из себя в ответ. Весной 89-го молодой сержант мне бросит, чуть не плача: Олег, посмотри в зеркало, у тебя стали мертвые глаза. А сердобольные деды будут объяснять духам: вы нашего москвича не бойтесь, он запугать может до усёру, но бить-то не бьет. И Минотавр скажет: да, знаю, ты их не бьешь, но ты их одними словами в узлы вяжешь, будь помягче, Олег…

А мне нельзя бить людей, я это в армии открыл.

Сейчас я понимаю, что приобрел важный и полезный опыт. А двадцать лет назад я ужаснулся бы. Вообще бы в армию не пошел, удрал бы на волю в пампасы, влез на пальму и откусил себе хвост.

Но двадцать лет назад я не знал о порядках в организациях типа белоцерковской ББМ, и потому смотрел в будущее уверенно. Да, служба не сахар. Да, дедовщина

почти везде. Да, офицеры по большей части существа равнодушные, и ты для них расходный материал. Ничего, поглядим, как оно там.

«Договорились» - сказал я родителям.

Через пару дней у меня обнаружилась травма колена, несовместимая с весенним призывом, и черный песец остался голодным. В военкомате, подозреваю, от души посмеялись. Я чудесно провел лето. Только раздражала модная песня «You’re in the army now». Она звучала повсюду, напоминая: парень, ты здесь временно. Особенным успехом пользовался русский народный вариант, который распевали спьяну:

Твои друзья пьют водку и вино,
Твоя подруга спит с другим давно,
А ты же в армии, да-да-да,
Теперь ты в армии.

До сих пор терпеть ее не могу.

К осеннему призыву стало известно, что за моей воинской судьбой ненавязчиво проследят. Ничего особенного, просто зададут направление. И сидя «на угрешке», я не боялся отправки в тьмутаракань, Камрань или Нахичевань. Правда от первого взгляда на армию было впечатление, что здесь полный кабак, и если тебя не водит за руку полковник, случиться может всякое. Ведь едва не забыл обо мне военкомат. Еще пара дней, и пришлось бы самому к ним стучаться: ау, отправьте Родине служить. И фраза капитана: «Студенты, роскошные парни, служить не хотят», была тем, на чем вся армия держится - «отмазкой», оправданием своей беспечности.

Да, отвечу на естественные вопросы. Откуда взялась травма колена? Справку о ней устроил мой покойный ныне двоюродный дед, крупный травматолог. Бывший фронтовой хирург, он встретил меня словами: «Наконец-то взялся за ум!». И заметно обиделся, когда я объяснил, что служить буду, только позже. А где работали мои родители, что у них нашлись контакты в армии? Как бы вам сказать… У них могли найтись контакты где угодно. Есть такая вредная

профессия - художник-реставратор. Действительно вредная, дышать растворителями не подарок. В советское время хороший реставратор мог очень многое. Мы жили не шикарно, но деньги тут не главное. В СССР вообще деньги мало что решали. Все решали связи.

Мне еще маленькому объяснили: нет в мире недостижимого, просто вкалывать надо и не бояться ставить перед собой высокие цели. И я видел, с кого брать пример: кругом были профессионалы, яркие и сильные люди, что-то умеющие делать лучше всех. Знакомые у родителей попадались очень разные. Когда я служил в ББМ, дежурного по части чуть не хватил кондратий: позвонил Иосиф Кобзон спросить, как у меня дела. Ну, он был проездом в Белой Церкви - и звякнул. А я, матёрый сержантище, дрых где-то, вот и не поговорили. Кстати, Иосиф Давыдович, золотой вы человек, спасибо вам огромное за всё.

Дополнительную уверенность в том, что я не пропаду за забором Вооруженных Сил, придавал мой собственный камень за пазухой, личный козырь. Я шел в армию не просто отслужить положенное, но и конкретно выполнять долг журналиста. У меня было задание, ни больше ни меньше, от газеты «Правда». Неплохо для поднятия настроения девятнадцатилетнего советского мальчишки.

Дело было еще летом. Я валял дурака в «Комсомолке», когда подошел знакомый и говорит: хватит тут курить, сначала открой форточку, а потом топай в «Правду», с тобой пообщаться хотят. А в «Правде» один дядя открытым текстом сказал: тебя осенью забирают? Тогда слушай. В армии сейчас очень худо. И нам важно знать, насколько худо. Мы просим всех молодых журналистов, которых призывают, давать нам информацию. Ждем твоих сообщений. Присылай их на такой-то домашний адрес. Если какие неприятности постигнут тебя лично, тоже пиши, не стесняйся. Заступимся вплоть до немедленного перевода в другую часть.

В общем, сидя «на угрешке», я был относительно

спокоен. Даже если ушлют случайно на мыс Шмидта - не домашний мальчик, не пропаду. Моя ангельская внешность интеллигентного юноши была обманчива. За короткую свою жизнь я успел поработать в типографии и на элеваторе, умел обращаться с навозом и цементным раствором, мог что угодно покрасить, многое починить, и даже как-то в драке сломал человеку ногу. Вдобавок, я категорически не боялся никакого начальства. Нет, такие не пропадают.

Я еще не знал, что бояться надо совершенно другого. Что главный враг каждого человека прячется у него внутри. Что самую могучую организацию успешнее всего развалит сама эта организация. И ни одна держава не причинит столько вреда другой, сколько может причинить себе. А у русских нет противника опаснее, чем русские.

Явления, наблюдая за которыми, можно было понять все это, размазывались тонким слоем по огромной стране. В Советской Армии они подавались концентрированно любому желающему прямо под нос, имей только смелость принюхаться. За всю службу я не отправил ни одного письма человеку из «Правды». Потому что увидел: эту армию спасать уже бессмысленно. Спасать надо страну. Знать бы, как.

…Нас подняли, вывели во двор, построили. Прощай, «угрешка». Прощай, Москва.

- Куда едем, товарищ прапорщик?

- Это военная тайна.

В плацкартном вагоне царило истеричное веселье. Немногие припрятали водку и теперь ее пили, скупо угощая соседей. Кому не досталось, жевали последнюю на долгое время домашнюю еду, извлеченную из рюкзаков. Для некоторых - вообще последнюю, только они об этом не догадывались. Было тесно, зато тепло. По проходу вдруг пробежали куда-то странные люди в меховых шапках и полосатых халатах до пят. Ух ты, настоящие узбеки. Толстые, должно быть, халаты, если узбеки ходят в них при температуре минус пятнадцать… Так мы с узбеками будем

служить? Куда мы вообще едем, мать-перемать?

Ехали мы в поселок Мулино Дзержинского района Горьковской области. В сырое гиблое место, где люди гнили заживо, и некоторые так убедительно, что приходилось их переводить куда посуше. До сих пор у меня ноготь на правом мизинце больше, чем на левом, потому что отвалился кусок мяса - это я двадцать лет назад в Мулино оцарапался. Офицеры не любили это место. Туда всеми правдами и неправдами старалась не приезжать «Скорая помощь». Там ничего не было.

То есть, там стояла учебная дивизия. Три полка - артиллерийский, противотанковый и разведка. Военный городок. Несколько полигонов. Дисбат. Всё, ничего больше. И болота вокруг. Правда, неподалеку теплился еще один очаг цивилизации, ГУЦ - Гороховецкий учебный центр. Но этот тот хрен, что редьки не слаще.

Дома, в которых селились офицеры, были кривыми. Буквально - кривыми. Один дом, который возводил не стройбат, а дисбат, был настолько кривой, что в нем никто не жил. Туда ходили воровать оконные стекла. Ну, и летом в нем буянили офицерские дети, какие постарше. Гуляли так шумно и матерно, что пугались курсанты. Курсантами в Мулино назывались солдаты, часть-то учебная.

Курсанты жалели офицеров. Потому что мы тут всего на полгода, а офицеры - может, до пенсии.

Особенно курсанты жалели командира дивизии, генерал-майора Н. Славный был дядька. Типичный генерал: солдатам улыбался, офицеров гонял. Но по нему было видно, до чего доводит Мулино. Один майор рассказал про генерала поучительную историю. На ступенях главного учебного корпуса стояли две гаубицы со стволами, задранными вверх под сорок пять градусов. А раньше стволы глядели в горизонт, прямо на подъездную аллею. Идешь к корпусу - они на тебя смотрят… Однажды генерал ехал утром, как обычно, на службу. Внезапно он издал дикий вопль, распахнул дверцу «Волги», десантировался на ходу и попытался зарыться в сугроб. Перепуганный

водитель долго уговаривал генерала вернуться в машину. А через некоторое время из учебного корпуса выбежал оперативный дежурный дивизии и собственноручно задрал стволы гаубиц к небу…

Впервые я увидел заснеженное Мулино утром. Мне понравилось, что там росли сосны и ели. Больше мне там ничего не понравилось. Занимался на редкость мерзкий рассвет. Военный городок в его холодных лучах выглядел еще более мертвым, чем безжизненная «угрешка».

Потом я обнаружу, что это так и есть. В Мулино не жили - просто служили. Здесь кантовались, терпели, держались из последних сил замечательные офицеры. Выли от тоски и спивались отчаявшиеся офицеры. Влачили жалкое существование пустые, бессмысленные офицеры. Эти, последние, были гораздо счастливее остальных. Наконец, в Мулино попадались целеустремленные натуры, пытающиеся тут выслужиться - во что ни поверишь от безысходности.

По идее, занималась Мулинская учебка благородным делом: за полгода готовила из мальчишек военных специалистов. Какая тут учеба, я увидел, походив недельку на теоретические занятия (может, мне крупно не повезло, но каждый раз занятий просто не было). Какая ерунда учеба в двух других полках, знакомые рассказали, да с такими иллюстрациями, что трудно поверить. И только позже я сообразил: главная задача учебки - не выпустить умелого артиллериста, а обтесать гражданского юношу до состояния военного человека. Заставить его осознать себя бойцом, приучить мыслить как солдат. Вколотить в него армейский регламент, сформировать чисто воинские привычки, довести до автоматизма типичные реакции военного. Потому и тратится полгода, целый «период» на подготовку, красная цена которой - месяц. Воин неуправляем, если у него в мозгу не отпечаталось заветное: будь как все, иди куда сказано, делай что приказано, терпи, молчи, слушайся и не возникай.

И главное: инициатива в армии наказуема. Если ты все

равно готов ее проявлять, запомни: сам придумал, сам будешь делать, тебя и накажем за то, что плохо сделал! Можете смеяться, но такой, с гражданской точки зрения, идиотизм, это вековая мудрость, за которую заплачено большой кровью. Армия - огромный неповоротливый механизм. Армия мирного времени это еще и ржавый механизм. И в девяти случаях из десяти шаблонные решения гарантируют, что он не задавит тебя мимоходом.

А один случай из десяти - когда задавило - военные спишут на «допустимые потери».

…Мы вошли в ворота артиллерийского полка, глухие железные ворота с красными звездами. Дорога перед нами была вычищена до асфальта и обнесена прямоугольными сугробами. Казалось, нас здесь ждет такое же прямоугольное будущее, простое и ясное.

Некоторым из нас жить оставалось недели две, не больше.

ГЛАВА 6

На восьмой день службы в Вооруженных Силах СССР я красиво потерял сознание. Не выходя из строя: так сказать, на боевом посту. Холод, голод, постоянный стресс, надрывная работа (выковыривали смерзшуюся щебенку из вагонов), да еще и навязчивое ощущение абсолютной иллюзорности бытия - тут не в обморок хлопнуться, а свихнуться можно с непривычки. Говорят, в тюрьме поначалу ощущения те же, пока не адаптируешься. Плюс, у меня была уважительная причина: температура подскочила.

В общем, я постоял немного на разводе, а потом взял, закатил глаза и упал. Мне случалось до этого терять сознание дважды. В первый раз кислородное голодание на высоте «помогло», во второй та же высокая температура. Я умел различать признаки надвигающейся «отключки» и знал, как ее избежать. Но армия меня перехитрила, загнав в хроническое полуобморочное состояние, из которого не то, что симптомы какие учуять - маму родную фиг опознаешь.

Упал я не опасно: сложился, будто карточный домик, и на несколько секунд выключился из жизни. Очнулся, когда сержанты волоком тащили меня в умывальную комнату. Усадили, прислонив к стене, дали закурить, сказали: «Ничего, чувак, это бывает, когда отдышишься - догоняй батарею» и оставили в покое. Я затянулся «Примой», огляделся по сторонам и увидел такое…

КАК Я БЫЛ ЭКСТРАСЕНСОМ

подлинная история, которую Автор иногда рассказывает, чтобы публике жизнь мёдом не казалась

Это тоже был «умывальник», только другой - грязный, запущенный, тускло освещенный. И здоровый кавказец, одетый почему-то в тельняшку, бил меня прямым в челюсть, а я уклонялся, подставляя под удар плечо…

Вот тут я очнулся по-настоящему. Видение было настолько ярким и четким, что я просто не мог его не запомнить до мельчайших подробностей. Действие происходило летом, в совершенно другой воинской части, и порядки тамошние мне уже заранее не нравились. Интересно: мои ощущения «там» не были из ряда вон выходящими. Головой об стену не бился, в обморок падать не собирался. Помню легкий испуг, желание не пропустить удар… Еще тепло было. Наконец-то тепло. И все.

Одна закавыка: я там никогда раньше не был, ребята, кавказца этого не видел, и хабэшку в жизни не носил.

Поразмыслив минуту-другую, я понял - информации для анализа мало. «Там», похоже, было лето 1988 года, мой второй период службы. Как минимум, ваш покорный слуга дожил до того дня - что радовало. Оставалось ждать и помнить. Я докурил, кое-как отлип от стены, встал на ноги, умылся ледяной водой и пошел на мороз долбить треклятую щебенку.

Потом было очень много событий, так много, что я о видении не вспоминал. Оно никуда не делось, просто хранилось в самом дальнем углу памяти. До момента его э-э… сбывания мне еще предстояло служить, как медному

чайнику. Пока же я успел здорово разозлиться - настолько, что упала температура (испугалась, наверное). Добрел до железнодорожных путей и взялся за лом.

- Ты как?

- Жить буду, товарищ сержант.

- Не надрывайся, отдыхай почаще. А то загнешься, и у нас будут неприятности.

Через час я провалился сквозь полувагон со щебенкой. Знаете, у него такие люки внизу, чтобы сыпучий груз сам выпадал. Увы, на морозе сыпучий груз теряет сыпучесть. То есть, люки мы открывали, и что-то оттуда удавалось выковырять, но остальные разгрузочные процедуры сводились к залезанию наверх, долбанию груза ломом и киданию отдолбанных кусков лопатой через борт. Ну, и в очередной раз долбанув, я услышал глухое «жжжах!». И наступила темнота. Потом чувствую, кто-то за валенок дергает. Я поворочался немного, выполз из кучи щебня, которой меня накрыло, огляделся - сижу на насыпи, а вагон уже надо мной. Ребята вокруг перепуганные стоят.

- Вы как хотите, - говорю, - а каскадерам полагается внеплановый перекур!

Смотрю, заулыбались. Я веселый тогда был, всех подбадривал, друзей уже завел, и ко мне народ тянулся. Другому бы сержанты не сигарету дали, а просто по шее за то, что он из строя на пол вываливается.

На самом деле я буквально загибался от тоски. Но разглядеть это не позволял никому. Ведь когда вокруг точно так же загибаются все… Кому как, а мне людей становится жальче, чем себя. И поэтому, наверное, самому немного легчает.

Присел я у костра, закурил, окинул взглядом состав с дробленым камнем, и понял: кризис миновал, дальше будет только хуже. Парень, ты адаптировался в армии, и это хорошо, но что теперь? На что тут глядеть еще двадцать три с лишним месяца? Чему учиться? Христианскому смирению?! Пожалуй теперь понятно, отчего полгода назад из здешнего противотанкового полка мой одноклассник

сбежал, насилу вернули. Не задалось у него с христианским смирением. Не понял он армию. Думал, наверное, ему сразу автомат дадут.

Тут подходит один из наших, тоже закуривает и говорит:

- Елки-палки, куда мы попали… Это нам еще два года вот такой херней маяться?!…

- Слушай, мы все-таки не в стройбате. Рано или поздно начнется боевая учеба. Должна же она начаться хоть когда-то.

В этот момент справа бухнуло, и из-под соседнего вагона показались чьи-то валенки. Улыбнитесь, каскадеры! До вечера мой подвиг растиражировало еще человек пять…

А через неделю пятерых завалило углем в кочегарке - насмерть. И я, сидя в штабе дивизии за пишущей машинкой, подумал, до чего же мне повезло. В самый первый день, когда нас оформляли, подполковник из «строевой части» бухнул на стол машинку и спросил: кто умеет печатать? Я поднял руку. Пару часов постучал. И однажды за мной явился другой подполковник, из политодела. Пойдем, говорит. И я пошел. С тех пор в образцово-показательной первой батарее меня видели только ночью или на специальных мероприятиях типа «из автомата пострелять». Потом я еще неделю «отучился», когда приезжала комиссия округа, и из штаба убрали не положенных по штату писарей-рядовых. Иногда я приходил в казарму греться.

В штабе было холодно всю зиму, офицеры не снимали шинелей и грызлись с начальником тыла, который воровал из кабинетов электрические отопители «в целях пожарной безопасности». Плюс двенадцать это температура, когда при интенсивной работе на тяжелой механической машинке начинает идти кровь из-под ногтей. Но зато тут хватало материала для исследований. Человеческого материала. Жизнь приобрела некоторое подобие смысла. Уморительные и поучительные истории в штабе и вокруг него приключались ежедневно. И хотя я снова болел, да и эксплуатировали меня зверски, все равно тут было, на что

посмотреть. И накрепко запомнить. Конечно, тоска иногда наваливалась и принималась грызть нещадно, но все-таки я избегал того, что поджидало в учебной батарее - отупения и озверения. И через полгода из учебки загремел в войска все тот же парень: веселый, острый на язык, практически не битый и совершенно не злой.

Прибытие сержантского пополнения в Бригаду Большой Мощности ознаменовалось глухим «пух-пух-пух» с верхних этажей казармы - засадил себе три пули в грудь молодой десантник. Якобы, от несчастной любви. На следующее утро началась пресловутая дедовщина во всей своей красе, с затягиванием поясного ремня по окружности морды, застегиванием крючка сквозь кожу на горле, реквизицией не положенных молодому бойцу материальных ценностей и прочими выкрутасами. А где-то на седьмой или восьмой день службы в ББМ сбылось то самое видение. Картинка, отпечатавшаяся у меня в сознании, наложилась на реальное действие. Совпала до мелочей. Грязный «умывальник», чеченец в тельняшке, какой-то разбор полетов, удар, я машинально ухожу и поднимаю вверх плечо…

Дедушка Советской Армии сержант Чадаев сам сильно удивился. Надумай он врезать мне еще разок, я бы уже не смог закрыться. Я стоял с вылупленными глазами и, кажется, слегка пошатывался. А Чадаев глядел на меня и пытался сообразить, что такое происходит с молодым сержантом, которому он не попал в челюсть. Я запамятовал, о чем был потом разговор, но точно помню: мордобой угас в зародыше. И между прочим, Чадаев в дальнейшем упорно избегал трогать меня руками. Видимо, произвели на него впечатление мои безумные глаза…

Между прочим, у меня с «дежа вю» - ощущением, что ты это уже видел, - были очень тесные отношения в молодые годы. Но «дежа вю» феномен весьма распространенный и довольно безобидный. Врачи-психиатры объясняют его сбоем при обработке входящей информации. Вам просто кажется, что вы уже «были здесь», «видели это». И вы сами обычно понимаете: ерунда, глюк.

Со случаями предвидения такого уровня, как у меня, объяснений нет и быть не может. Если, конечно, принять по умолчанию, что время линейно и всегда неумолимо движется вперед, от утренней зарядки к построению на завтрак и так далее.

Я же, как «лично пострадавший», больше интересовался не технологией феномена, а самим видением. Почему именно тот дурацкий загаженный «умывальник», а не что-нибудь другое? Я терялся в догадках.

Понадобилось долго прожить, чтобы отстраниться от армейских событий, все взвесить и понять: ох, недаром мне довелось увидеть именно ту картинку! Обычному человеку видения приходят, когда он впадает в измененное состояние сознания. Но так и вышло! Дважды за всю службу я перенес по-настоящему дикий стресс. Причем оба раза стресс был затяжной, он набирал обороты в течение целой недели, чтобы затопить меня целиком, по уши. Солдат-череп, только попавший в учебку, и молодой сержант, угодивший в ББМ - два очень похожих случая. Ровнехонько через неделю доходишь до кризисной точки, до пика стресса, когда либо вешайся, либо привыкай. И происходит некий прокол реальности. Из точки в точку - будто сложили пополам лист бумаги длиною в год и проткнули иглой посередине.

И сначала ты видишь свое будущее, а через полгода оно догоняет тебя.

Мало кто верит в эту историю. Слишком она смущает людей. А кто верит, тот ищет объяснение, строит версии, пытается разобраться. Без толку. Вы, дорогие мои, ничего не знаете о мире, в котором живете. И я ничего не знаю.

Поверьте, мне совсем не весело думать так. Я тоже живой и любопытный человек. Но если разок-другой-третий увидишь наше бытие с изнанки, в голову лезут суровые мысли. Первая из которых - а ну их на фиг, чудеса. Поставьте себя на мое место. Если у вас хорошее воображение, вы сможете. Закройте глаза и представьте.

Прыжки в неведомое слишком похожи на битье рогами в

крепко запертые ворота. Пока я был молод, меня это забавляло. Тот армейский случай потянул за собой новые, раз в год-два. Сознание-то раскрепостилось. Правда, будущего я больше не прозревал. Но изредка, пребывая на тонкой грани сна и яви, заглядывал черт-те куда. Ничего любопытного с точки зрения обывателя там не было: в первую очередь, там не было Времени. Я приказал себе перестать глючить - и четко выполнил приказ.

Но все-таки, не попади я в армию, вряд ли бы со мной такое случилось вообще.

ГЛАВА 7

Майор Тяглов лежал, навалившись грудью на свой рабочий стол. Лицо у майора было сиреневое и опухшее, дышал он едва-едва, рывками. Из последних сил майор успел сорвать галстук и расстегнуть воротник рубашки.

Сходил, называется, поговорить с начальством. Поговорил - и сполз по стене прямо в штабном коридоре. Хорошо, дневальный рядом оказался, подхватил майора и принес на рабочее место.

Посреди кабинета стояли сослуживцы Тяглова, два подполковника - старший инструктор по организационно-партийной работе и заместитель начальника политотдела. Они разглядывали задыхающегося майора и вполголоса совещались, как с ним быть.

- Придуривается, - сказал «оргач». - На пушку нас берет, хе-хе.

- А вдруг нет? - возразил замначПО.

- Может, и не придуривается, - согласился «оргач». Кто его знает. Вон, синий какой.

- И что теперь делать? Если он валяет дурака, мы ему только подыграем. А если и вправду копыта откинет… Похоже это на сердечный приступ, как по-вашему?

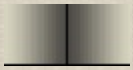
- У меня сердце здоровое, хе-хе.

- А может, поваляется - и отдышится?

- Или придуриваться ему надоест, хе-хе.

- Вообще, - сказал замначПО глубокомысленно, - странно все это. Сколько он уже так лежит и дышит? Точно симулянт!

Я подошел к офицерам и сообщил негромко:



- Пойду в лазарет.

ЗамначПО очень внимательно на меня посмотрел.

- Приведу врача, он сразу разберется, похоже ли это на сердечный приступ.

- Разумно, - согласился замначПО. - Давай.

Я выскочил из штаба. Неторопливо прошел мимо окна комнаты «общего политотдела». И, едва скрывшись с глаз товарищей политработников, сразу рванул, как на стометровку.

Тяглов не отдышался бы без посторонней помощи. Он мог умереть в любую секунду.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАУЗА

самая грустная глава в этой книге -
Автор даже хотел ее выкинуть, но передумал

Я точно знаю, когда последний раз в жизни плакал. Это случилось 30 декабря 1987 года. С тех пор - как отрезало. После тридцати стало иногда пробивать на сентиментальную «пьяную слезу». А вот заплакать с трезвых глаз не получается, как бы худо ни было. От беды я теперь каменею. Армия научила.

…Перед лазаретом больные, в шинелях поверх халатов, долбили ломами и пешнями лед. Я заскочил внутрь и потребовал дежурного врача. Из кабинета высунулся фельдшер, немолодой прапорщик с солидным набором орденских планок.

- Майору Тяглову плохо.

- Что с ним?

Я описал симптомы. Прапорщик сразу подобрался и сказал:

- Ну, побежали.

Тяглов уже сползал на пол. «Оргач» и замначПО все еще пребывали в задумчивости. Они служили с майором вместе несколько лет, «оргач» так просто в одном кабинете, и только сейчас я увидел, до какой же степени оба терпеть не могут Тяглова.

Прапорщику хватило одного взгляда на больного.

Следующим взглядом он буквально прорентгенил товарищей политработников.

Товарищи политработники надулись и засопели.

- Дружно взяли - и потащили! - скомандовал прапорщик.

Мы с ним дружно взяли - и потащили.

В кардиокабинете майора откачали за полчаса. Вышел офицер в белом халате, поглядел на меня:

- Это ты его принес? Ты кто такой вообще?
- Машинист политотдела. Тяглов мой начальник.
- Почему сразу не вызвали помощь?
Я замялся.
- Спросите прапорщика, он все видел.
- Ты мне скажи.

Запинаясь, я обрисовал ситуацию. Мне самому не верилось, что так было. Но так было. Два взрослых человека, старших офицера, стояли и глядели, как их коллега отдает концы.

- Какой-то у вас там зверинец, бля, - процедил медик. - Если тебя спросят, можешь цитировать: я сказал именно это. Знаешь, что такое «цитировать»? Молодец. Теперь бери своего майора и тащи его домой. Жить будет.

Я вернулся в политотдел за шинелями. «Оргач» увлеченно перебирал бумажки.
- Ну? - спросил он.
- Сердечный приступ. Мне нужно отвести майора домой, он сам не дойдет.
- Ну-ну, - сказал «оргач». - Ты мне там делаешь, что я просил?…
- Все идет по плану, товарищ подполковник.

Диплом я ему печатал. Он заочно на педагога учился. Чтобы, значит, уволившись в запас - преподавать.

- Ты ночью не работай, береги себя, - посоветовал «оргач». - Ночью надо спать. Ночью-то только дураки не спят, хе-хе.

«Да, это зверинец, - подумал я. - Не сумасшедший дом, как мне казалось раньше, а просто зверинец».

Тяглов уже порозовел и даже пытался буянить - ему совали в карман таблетки, а он упирался, хрипя, что совершенно здоров, просто малость перенервничал. Мы с прапорщиком упаковали больного в шинель. По счастью, Тяглов был заметно легче меня, и когда я крепко взял его под руку, деваться ему стало некуда. Мы побрели по скользкой дорожке к военному городку. Майор спотыкался, нечленораздельно ныл и отчетливо матерился. Обычно он в

моем присутствии не позволял себе ни того, ни другого, ни третьего.

Он числился в политотделе «старшим инструктором по агитации и пропаганде». Должность халявная, но Тяглова, пижона и артиста, можно было назначить хоть инструктором по ловле блох, он и из этой работы устроил бы шоу. Когда майор вел политзанятия у телефонисток, те возвращались на узел связи все зареванные: Тяглов читал им лирические стихи.

Начинал он службу на китайской границе и однажды мне рассказал, что там было в дни полузабытого ныне китайско-вьетнамского конфликта - как наши мерзли в траншеях, а по брустверу ходил генерал и приговаривал: «Ничего, сыночки, потерпите чуток, завтра двинем через границу и вам сразу станет тепло, а потом даже жарко».

Тяглов был честным, правильным офицером. Увы, его темперамент не подходил для службы мирного времени. Ему бы шашку, да коня, да на линию огня… Вдобавок, майору хватало мозгов быть умным, но не хватало выдержки это скрывать. В армии немало офицеров, из карьерных соображений притворяющихся недалекими, и у всех у них общая проблема: иногда они не выдерживают. Срываются. А этот и не думал косить под тупого. Я бы на его месте обаял нашего «оргача» и стал задушевным приятелем замначПО. Тяглов же, не сказавший им худого слова, тем не менее, умудрился обоих восстановить против себя насмерть.

Они ему завидовали.

Майор жил в Мулино один, тосковал по жене и сыну, оставшимся в далеком Новосибирске, регулярно квасил и всячески валял дурака. Кажется, временами он пугался самого себя. В Мулино, зажатом между болотами, дисбатом и полигоном, можно было спиться запросто. Некоторые в этом преуспели. Чуя беду, майор инстинктивно изо всех сил рвался к родным, хоть ненадолго. Сердечный приступ у него случился после разговора с начПО: Тяглов просился в отпуск на Новый Год.

По словам адъютанта начПО, сначала в кабинете было тихо, а потом эти двое заорали друг на друга так, что хоть знамя выноси из штаба.

К концу пути майор раздышался, у него уже почти не заплетались ноги, и дверь он отпер довольно бодро, где-то за минуту. Протопал неверными шагами в квартиру, присел в углу и включил магнитофон. Заиграла какая-то попса. Чуть ли не Modern Talking.

И тут плохо стало мне. Разом схлынуло накопившееся за последний месяц напряжение. И увиденное сегодня - догнало. И то, что я с момента приезда в Мулино не слышал вообще никакой музыки, кроме страшного нашего полкового оркестра, тоже сыграло роль.

Музыка для нас, мальчишек восьмидесятых, значила невероятно много. Мы в нее прятались, мы ею отгораживались от мира родителей, музыка делала нас свободными. У кого-то попса, у кого-то рок, главное - она у нас была. В учебке музыки не оказалось вообще.

И тут я ее услышал.

Я привалился к стене, закрыл глаза, и из-под сомкнутых век буквально хлынуло.

- Ты не стесняйся, Олег - просипел Тяглов. - Не стесняйся слез.

Он что-то еще сказал ободряющее, сидя в расстегнутой шинели на корточках перед тумбочкой с магнитофоном. Голос майора был слабым, потерянным, несчастным и больным - а я ничем не мог помочь. Кто бы мне самому помог.

- Устал… - прошептал я.

- А как я устал… Кто бы знал.

Он повалился на диван и тоже закрыл глаза.

- Что вы здесь делаете, товарищ майор… В этом зверинце?

- Служу, - объяснил Тяглов.

Помолчал и добавил:

- Никогда не задавай офицерам этот вопрос. Он бьет не в бровь, а в глаз, и нечего ответить. Ладно, я посплю

наверное. Спасибо, ты иди теперь.

Я утер слезы. Мне как-то сразу стало легче.

- Не забудьте про таблетки, они у вас в правом кармане. И врач настоятельно советовал не пить.

Тяглов шепотом сказал, где он видел всех врачей.

Военный городок Мулино был все таким же холодным и мертвым, как в самый первый день. Я сделал небольшой крюк, чтобы пройти через сосновый перелесок - хоть минуту не видеть ничего мулинского, ни домов, ни забора части. Меня просто воротило от всего этого. Как жить дальше? Я не хотел возвращаться из штаба в батарею - там было невыносимо скучно. Но политотдел дивизии оказался чересчур интересным местом. Несколько более интересным, чем может вынести мало-мальски приличный человек. Как переварить сегодняшний опыт и никому не плюнуть в глаза, я просто не знал.

Почти у самого КПП артполка меня засек скучающий патруль.

- Това-арищ военнослужащий! - нараспев позвал старший лейтенант, потирая руки.

Я подошел и представился.

- А, это ты… - протянул старлей разочарованно.

За месяц работы в штабе я перезнакомился тут со многими, вплоть до контрразведчика. Этот старлей был таким же «агитатором», как Тяглов, только рангом ниже, из противотанкового. Сам небольшой, и патрульные будто сплюснутые по вертикали - чтобы помещались в отсек управления ракетного комплекса на базе БРДМ.

- И отчего вдруг поплохело нашему майору? - удивился старлей, выслушав мою историю. - Он же обычно живее всех живых.

- Поговорил с начПО. В отпуск просился.

- М-да… Смелый поступок. Мои соболезнования. Ну, топай.

Вечерело, штаб уже опустел. Я мог бы просто сидеть у себя и наслаждаться редчайшей в армии роскошью - одиночеством, - но было слишком муторно на душе. И я

отправился к чертежникам. Мне сразу открыли на условный стук, который знали только мы - «штабные» - и начальник оперативного отдела. Стук был слишком замысловатый, чтобы офицеры додумались до него: один удар. Начопер тоже не додумался, он подслушал. И никому не рассказал. Ему нравилось, что у него такие хитрые чертежники.

На огромном столе посреди чертежки была расстелена карта. Рядовой Гусев лежал на ней с плакатным пером в руке. Рядовой Косинов варил суп в электрическом чайнике.

- Ты чего такой смурной?

Я рассказал.

- Наплюй и забудь, - посоветовал Гусев. - Это же товарищи офицеры. Странно, что они не едят друг друга. Нашел, из-за кого расстраиваться. Даже самый лучший офицер не стоит одной твоей слезинки.

- Они друг друга именно едят, - возразил Косинов. - Еще как едят. А ты, Олег, просто не служил толком. Через пару месяцев такого насмотришься, что отучишься удивляться вообще чему-либо.

- Не хочу отучаться.

- А придется, - заверил Косинов.

Он угадал, мудрый дед: пришлось.

Я отправился в казарму - поспать в тепле. Шел между прямоугольными сугробами, вспоминал этот безумный день. Думал о курсанте, застрелившемся позавчера в карауле. О контуженных танкистах, которым на стрельбище попал под гусеницу забытый кем-то снаряд. О больных, долбящих лед - некоторых скоро комиссуют, потому что военкоматы просто не имели права их призывать. Чего ради это все, если у нас офицеры едят друг друга?

И тут случилось удивительное. В первый и последний раз за мою службу в артполку включилась система громкой связи. И заиграла музыка.

Я шагал через плац как во сне, как в сказке. Передавали вещь, которую я меньше всего ожидал услышать здесь - «Русских» Стинга. Величественная тема, свет фонарей сквозь легкий снегопад… Территория артполка вдруг

показалась обжитой, теплой, пригодной длля человеческого обитания. Я шел, а музыкальная тема все раскручивалась и раскручивалась, заполняя собой мир, привнося в него то, чего так не хватало мне в армии - смысл… Не было только голоса певца. Стинг отчего-то не спешил сказать:

Но что может спасти нас,
Меня и тебя -
Я надеюсь, русские
Тоже любят своих детей…

И тут я понял, что это Прокофьев.

Музыка оборвалась на полузвуке.

В этом не было и не могло быть ничего символического.

Ее просто выключили.

ГЛАВА 8

- Косинов, мать твою, что за внешний вид?! Мятый, нестриженный, весь в краске… Ужас! Солдат, мне на тебя смотреть больно!

- Да… Вот… Товарищ полковник… Ну, да.

- Нет, ты представь, скоро придет молодое пополнение, увидит тебя, чучело эдакое, и скажет: что, вот это - артиллерийская дивизия?!

- А я… Да ну… Ну я же в штабе буду, товарищ полковник! Не увидит меня никто.

ШТАБНЫЕ

иллюстративный материал к статье
из воображаемой военной энциклопедии

Штаб учебной дивизии жил насыщенной жизнью. Через сутки после того, как политработник майор Тяглов чуть не умер на боевом посту, настала очередь нашей секретной части доказать: она тоже не лыком шита, всегда готова за Родину голову сложить. Или не голову, а другое место - это уж как повезет.

Помимо секретных чемоданов, набитых секретными тетрадями, в секретной комнате штаба хранились и вещи поконкретнее. Например, две казацких шашки, предназначенных для церемонии выноса знамени. Секретчики, прапорщик и сержант, когда им нечего было делать, гонялись друг за другом по коридору с этими шашками и рубились так, что звон стоял.

На Новый Год в Доме офицеров устроили церемонию с выносом знамени. Сержант-секретчик Женька Ясаков приехал туда в кузове грузовика. Перевязи, белые перчатки и прочую бижутерию он держал в руках, а шашки опрометчиво зажал под мышкой. Рукоятками вперед.

Когда он прыгал из кузова, одна шашка выскользнула из ножен, обогнала сержанта в полете и воткнулась рукоятью в снег. А Женька, приземлившись, наделся на острие шашки задницей.

Пострадал на секретной службе.

Ну, какая служба, такой и Джеймс Бонд.

Нахохотавшись до колик, штабные задумались, как человеку помочь. Ему повезло: он заработал

глубокую, но безобидную дырку в мякоти. Увы, нормально ухаживать за раной Женька без посторонней помощи не мог. Ходить в лазарет он отказался: новость мигом просочилась бы в батарею управления, к которой сержант был приписан, а тогда хоть ложись и помирай: засмеют.

Чертежники отнеслись к травме сержанта Ясакова с сочувствием. Поржали день, поржали другой - и успокоились. Но первая же попытка сменить Женьке пластырь закончилась истерическим припадком у Паши Гусева. Тот потом объяснил, что Ясаков ему, конечно, друг, но пускай как-нибудь сам, а то у Гусева руки дрожат от хохота.

Женька, стоя посреди чертежки с голым задом, страдальчески оглянулся на меня. Естественно, я был здесь. Машинист «строевой части» и адъютант начПО тоже хотели прийти, но их отговорили, зная за обоими нехватку гуманизма - они бы тут вообще по полу катались.

Я подумал-подумал, взял себя в руки, спокойно обработал рану и заклеил ее. После чего был назначен ответственным за Женькину задницу. Мне полагалось вознаграждение: Ясаков, хоть и в попу раненый, мимоходом украл из Дома офицеров упаковку «сладкой плитки». Это вроде шоколада на вид. Ребятам не понравилось, а я с детства обожал соевые батончики. Увидев, как я лихо «плитку» уминаю, старшие посовещались и решили: выдавать мне строго по одной в день, не больше.

Ясаков ходил по штабу, ковыляя, и всем своим видом демонстрировал, что у него вот-вот отвалятся руки и ноги. Между делом он победил в чемпионате батареи управления по чистке сапог. Вернее, по не-чистке. Сапоги у Женьки были на вид совершенно плюшевые, они не видели щетки больше трех месяцев.

«Постоянный состав» Мулинской учебки вообще,

за редким исключением, старался выглядеть неухоженным и расхристанным. Так «постоянка» проводила грань между собой и курсантами. Штабные, вся служба которых проходила на глазах у офицеров, выглядели не лучше, а зачастую страшнее остальных. Один адъютант начПО разгуливал наглаженный и чистый. Женька и я были еще туда-сюда, а вот чертежникам не хватало только надписей «Не прислоняться» поперек спины. В смысле - не прислоняйся к чертежнику, а то испачкаешься. Такая уж работа.

Офицеры глядели на это сквозь пальцы: мы много трудились, мы были нужны.

- Бывают домовые, а я - штабной! - говорил чертежник Паша Гусев, счищая краску с рукава лезвием бритвы.

Его даже вызывали на собеседование в штаб округа, так он хорошо делал свое дело. Но Паша не горел желанием остаться на сверхсрочную, а служить ему оставалось меньше года.

- Люблю штабных, - сказал мне один проверяющий. - С ними всегда есть, о чем поболтать, ведь в штабы берут самых толковых.

Он нашел верное слово. В штабы брали разных, не обязательно шибко умных и сильно образованных, но как правило - толковых. Тех, кто быстро соображает. Естественно, такие солдаты и сержанты со временем наглеют, требуют к себе особого отношения, но за это они платят сторицей. Опытный штабной - ценный человек.

По нам видно было, что мы особенные. Заходя в магазин или чайную, я разрезал толпу курсантов как ледокол. Они сами передо мной расступались. Хотя формально и я был курсантом. Но армия приучает людей мгновенно, чуть ли не бессознательно, считывать такие коды, как мельчайшие отличия в одежде и прическе. И выражение лица многое

значило. Мы, штабные, чувствовали себя в Мулино гораздо свободнее прочих. Они даже передвигались только по заранее предписанным маршрутам, а мы сами выбирали дорогу, в нашем распоряжении была вся территория части, до последнего уголка. Нас могли отправить с поручением куда угодно: кого - воровать оконные стекла из нежилого дома, кого - аж в Москву с деловой перепиской.

У штабных был свой режим дня. Начальство частенько запаздывало с подготовкой документов, тогда мы вкалывали ночами. Машбюро хронически не успевало обработать всю макулатуру, которой его заваливал политотдел, так что ваш покорный слуга не скучал ни часа. Меня вообще иногда сдавали на день-другой в аренду - отправляли, допустим, в соседний ГУЦ обеспечивать учения. А я хоть и отвыкал потихоньку чему-нибудь удивляться, тем не менеее, не упускал случая приобрести новый опыт.

Свободное время мы тоже проводили не по-солдатски. Например, нас могли позвать в клуб на закрытый ночной просмотр фильма «Пролетая над гнездом кукушки». Как сказал киномеханик, смотреть серьезное кино днем, когда полный зал курсантов, будет невыносимо. И мы сидели ночью в клубе впятером. Я потом зашел на воскресный дневной сеанс и убедился - киномеханик более, чем прав.

У нас был налажен тесный контакт с библиотекой. Благодаря этому мы прочли повесть «Сто дней до приказа» несмотря на то, что соответствующий номер журнала «Юность» в армии был под запретом. Я между делом привил ребятам вкус к Бунину, и они сначала зачитывались «Темными аллеями», а потом взялись за вещи потруднее.

Иногда, конечно, заедала тоска. У каждого была своя мучительная любовная история, каждого то ли уже бросила, то ли собиралась бросить подруга - в

общем, хватало тем для разговора. Но потом выйдешь покурить на крыльцо, весь такой несчастный, а из-за забора раздается многоголосый хор:

И ей понра-авилась
Шинель военная,
Погона синяя
И звездочка на ней…

Влезешь на забор полюбопытствовать. За забором идет по дороге неправдоподобно четкий строй. В «хабэшках» и бушлатах без знаков различия, в шапках без кокард. А вокруг «коробки» на некотором отдалении шагают краснопогонники с автоматами наперевес. Это дисбат возвращается с работы.

Сразу чувствуешь, что у тебя-то жизнь удалась. Хотя вокруг разговаривают исключительно матом (особенно молодые политработники, они так ставили себя ближе к народу), кормят плохо, одежда неудобная, вода горячая только в бане, климат гадкий. Зато «на дизеле» вообще смерть. Почувствуй, как тебе повезло, и веди себя хорошо…

В штабе было очень холодно, мы более-менее спасались вшивниками (так в армии зовут любую теплую поддевку под форму) и электрическими отопителями. За калориферами, особенно с открытой спиралью, охотился начальник тыла дивизии - я уже вспоминал об этом. Но в кабинете «общего политотдела» товарища подполковника ждало жестокое разочарование.

Однажды утром тыловик заглянул к нам, увидел включенный отопитель и без лишних слов конфисковал его. Вскоре явился Тяглов.

- А чего такой колотун? - удивился он.

Я объяснил.

Тяглов подумал с минуту и сказал:

- Гляди, как это делается.

Он ушел и через пять минут вернулся с отопителем под мышкой. Вручил его мне и сказал, очень довольный собой:

- Твоя заслуга, между прочим.

- То есть?…

- Да я прихожу к тыловику и говорю: «Ты хоть понимаешь, у кого отопитель забрал? Наш машинист в «Комсомольской правде» печатался. И сейчас ночами потихоньку клепает роман про армию. Я уже видел пару глав. Это типа «Сто дней до приказа», только еще страшнее. Представляешь, что будет, если парень на тебя злобу затаит? Ты у него окажешься проходной отрицательный герой!…» Тыловик бедный аж в лице переменился. Мы его теперь долго не увидим!

- Ну спасибо, товарищ майор… Веселенький экспромт. Только этого мне не хватало для полного счастья.

- Я не собираюсь тут замерзнуть насмерть, - сказал Тяглов. - А ты - наплюй и забудь. Пускай они тебя боятся. Это для них лишний повод держать тебя поближе и контролировать. И вообще, кто первый начал? Кто особиста запугал?

- Я просто с ним нормально поговорил.

- В случае особиста это и называется: запугал!

Так получилось, что ко дню моего появления в Мулино разом уволилось несколько рядовых машинистов, в том числе из «особого отдела» - военной контрразведки. И начальник «строевой части» неспроста явился на оформление новобранцев с пишущей машинкой: вычислял кандидатов. Я печатал быстро, подолгу держал темп и не промахивался мимо клавиш. Кроме того, уже через неделю сидения в политотделе я начал выполнять работу Тяглова - готовил ему материалы для лекций на основе статей из журнала «Коммунист Вооруженных Сил». Молва о способном парнишке разнеслась по окрестностям, и однажды к нам зашел некий майор с такими же, как у всех, пушками в петлицах. Он перекинулся с Тягловым парой слов, а потом сунулся в мой закуток и как-то невзначай раскрутил меня на беседу «за жизнь». Я не заметил ревнивого взгляда Тяглова. Мы с майором немного поговорили. Беседа завершилась фразой, брошенной в полном изумлении:

- То есть вы, молодой человек, против перестройки?!

- Ничего подобного, товарищ майор. Просто я вам пытаюсь объяснить, что очень многие из

моего поколения к ней не готовы. Нас учили жить и работать в совершенно других условиях. И я не могу предсказать, насколько успешно мы впишемся в новую реальность.

- М-да… Ну, счастливо! - сказал майор и исчез.

Тяглов сиял.

- Знаешь, кто это был? - спросил он. - Начальник особого отдела! У него машинист уволился, вот он и пришел на тебя поглядеть.

- И что теперь?…

- Все замечательно: останешься здесь. Ну ты представь - как может в контрразведке работать с бумажками такой страшный антисоветчик, который даже против перестройки?!

- Да я не против… Кстати, а вы?

- Я - за, - твердо заявил Тяглов. - Я политработник, мне положено быть за! И вообще, хуже, чем сейчас, уже некуда. Так что пускай будет перестройка, новое мышление и все такое прочее…

Теперь многие уверены, что «хуже некуда» это сейчас, а тогда было терпимо. Но такова человеческая психика: люди быстро забывают плохое. Я помню, как беспросветно жилось в восьмидесятые, и как мы надеялись на лучшее, радовались первым росткам свободы. Но это уже совсем другая история…

К весне я в штабе был уже свой. Перенес на ногах пневмонию (однажды пришел в себя, лежа лицом на клавишах - весь алфавит на физиономии), успел немного позаниматься вместе с батареей, обжился в Мулино лучше некуда. Помню, итоговые документы какой-то очередной проверки доверили печатать мне. Я возился с ними сутки без продыху, а потом вручил кипу листов начальству и отправился к чертежникам спать. У них стоял большущий

светостол (такой фанерный ящик с подсветкой столешницы), внутри которого прятались два матраса и плоский масляный отопитель. Я, как всегда, был слегка простужен и во сне тихонько похрапывал.

- Это кто там? - удивился начопер, раскладывая на светостоле карту.

- Олег из политотдела. Спрятался от своих, они его совсем загнали.

- Пускай дрыхнет, - сказал подполковник. - В отличие от вас, лоботрясов, он действительно много работает.

А я все понять не мог, чего он вдруг засмеялся, когда мы с ним в туалете столкнулись.

Со временем я начал подумывать, что можно и тут остаться. Да, штаб - порядочный зверинец. Но зато кругом знакомые лица, а это в армии многое значит, если не всё. Как уверяла брошюра «Сержанты и старшины Воруженных Сил», недаром часто раздается в казармах и кубриках народная пословица:

Без коллектива

И жизнь не счастлива!

Очень жалею, что не прихватил с собой эту брошюру. Лучшее чтение в минуты жизни трудные, когда кажется, что ты полный идиот. Перелистнешь несколько страниц - и понимаешь: нет, парень, с тобой-то как раз все в порядке…

Весной перед штабом начала появляться каждый день пожарная машина. Поливала траву, чтобы та росла зеленее. Учебка готовилась сдавать выпускные экзамены. А меня вызвал замначПО.

Сначала мы просто говорили о том, о сем. Потом мне предложили, в очень мягкой и ненавязчивой форме, шпионить за Тягловым - собирать компромат. Потом спросили, тоже

очень ласково, как продвигается работа над книгой про армию. Я ответил, что когда текст примет более-менее товарный вид, непременно дам товарищу подполковнику с ним ознакомиться. На том и расстались.

Стало ясно: надо привыкать к мысли об отправке в войска. Может, это и к лучшему. Пусть все идет как идет. В штабе мне уже нечему учиться. Я увидел здесь все, что мог.

- Мне будет скучно без тебя, - сказал Тяглов, - но я бы на твоем месте тоже ушел. Просидеть два года в штабе - это несерьезно. Ты должен узнать настоящую армию. Трудно придется. Но ты справишься.

Через несколько дней выяснилось, что оставить меня в учебке политотдел не может: армии остро не хватает сержантов. Это, кстати, была правда.

- В порядке нашей благодарности за работу можем предложить тебе выбор, - сказал начПО. - Два самых теплых округа - Одесский и Киевский. Куда хочешь?

- Киевский к дому ближе. - решил я.

В Мулино стало жарко и душно. Ветер гонял по плацу крупную пыль. Здесь, похоже, никогда не бывало терпимо, всегда через край.

- Значит, штабные козлы решили от тебя избавиться, - сказали сержанты из моей учебной батареи. - Перетрусили. Ладно, не падай духом. В войсках тоже люди служат. Ты, конечно, ни фига не обученный, но это ерунда. Все доучиваются на месте.

- Мужайся, - только и посоветовали знакомые из батареи управления.

У них там была легкая дедовщинка, и они представляли, как это должно выглядеть в суровом варианте.

- Ты слишком добрый для войск, - сказал Паша Гусев. - Хреново тебе придется.

- Обозлюсь, - пообещал я.

Надел парадную форму - и поехал служить дальше. У меня была слишком длинная для курсанта-выпускника шевелюра, самодельный широкий камуфлированный брючный ремень, модные электронные часы и наглая морда.

- Нас почти двадцать, - сказал я ребятам в поезде. - Если что, отобьемся. Главное - держаться вместе.

Как потом оказалось, ребята мне поверили.

А напрасно.

Бригада Большой Мощности знала эти штучки и пресекала их в зародыше.

ГЛАВА 9

Дальний берег Днепра терялся в жарком мареве.

- Надо будет смотаться туда, посмотреть, как там люди живут, - сказал я на перекуре.

- Доплывешь? - недоверчиво спросил Голиней.

- Я когда плаванием занимался, у меня любимая дистанция была километр брассом. А тут на глазок столько же.

- Даже не пробуй, - сказал Верчич. - Утонешь, а нас вздрючат. Вчера Тхя проверял лазерный дальномер, стрельнул по тому берегу, оказалось четыре километра.

- Ско-олько?…

- Эх, ты, Москва. Это ж Днепр!

- Однако… Верно сказано: редкая сволочь долетит до середины Днепра.

- Ты тоже редкая сволочь, но даже не пробуй, - повторил Верчич. - И вообще, Москва, поменьше залупайся. Тебе сказано было подстричься?…

- У меня нормальные волосы.

- Тебе не положено.

- Слушай, мне и так до хрена не положено.

- Москва, не выпендривайся. Сегодня ты обрастешь, завтра Кузнечик твой обрастет… Думаешь, если вы такие здоровые лбы вымахали, мы вас не уроем? Тебя просто не мудохали по-настоящему, так, чтобы кровью ссал. С тобой по-человечески обращаются, ты это ценить должен.

- Ни хрена себе по-человечески… Коля, в ББМ дышать нечем. Молодые на положении рабов. Из личных вещей одна зубная щетка, да и то не у всех. Боятся зайти в казарму - там ведь каждую секунду кого-то бьют… С чего ты взял, что я выпендриваюсь? Я круглые сутки молчу. У меня один вопрос: вам самим-то не противно? Не стыдно?

- Москва, - сказал Верчич проникновенно, - если вас не пинать каждую секунду, вы не будете работать, и ББМ развалится. Это закон. Это армия. Тут никто добровольно ничего делать не станет. И ты не представляешь, что творили с нами. Вон, Вася еще застал наших дедов. Это была вообще жопа.

- Да, это жопа была, - вспомнил Голиней и передернулся.

- Постригись, - сказал Верчич. - А то пожалеешь.

- Эй! - позвал капитан Масякин. - Кончай перекур.

Мы пошли к миномету.

- Пойми, Москва, - сказал Голиней тихонько, - тебя никто не поддержит. Ты хороший парень, ну не лезь против правил. Из-за тебя и остальным молодым достанется.

- Знаю. Я все знаю, Вася. Я же не слепой. Но от этого не легче.

- Вот и не выпендривайся. Будет только хуже.

Я, конечно, не подстригся. Стало не хуже а вообще жопа. Где-то через сутки. А пока мы полезли на миномет.

На броне я сразу успокоился. Мне нравилась эта железяка.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ББМ

глава, в которой мы наконец-то возвращаемся в Бригаду Большой Мощности, но особого веселья пока не испытываем, оно будет дальше

Сначала нашу партию молодых сержантов занесло в Малиновку, что под городом Чугуевым. Сюда за нами должны были явиться «покупатели». Нам сразу объяснили: это та самая Малиновка, про которую фильм «Свадьба в Малиновке». Меня эта комедия никогда не впечатляла, и малиновская часть не впечатлила тоже.

Перебросившись с местными парой слов, я узнал, что служба тут состоит в основном из хозяйственных работ, дедовщина терпимая, кормят хорошо, а неподалеку продают отличный самогон.

- Не служба, а сплошная барза, - сказали мне. - Хотя скучновато, честно говоря.

- Барза? - переспросил я.

- «На барзу попал» это значит: все хорошо, - объяснили местные. - А ты с Москвы? С самой Москвы? Так у тебя и земляки тут есть.

Земляки - не главное, подумал я, ключевое слово: «скучновато». Если им скучновато, мне будет в самый раз. Одно плохо, здесь почти не работают на технике. Это обидно. А нужна мне техника? Позарез нужна? Малиновка так Малиновка. Я тут уже принюхался. Вроде бы ничего особенного, но можно жить. С одним условием. Раз они тут в глаза не видят боевой учебы - нет смысла служить в батарее. Надо пристроиться в штаб. Буду там, по завету Тяглова, ночами писать

страшную книгу. Непременно выведу зампотыла проходным отрицательным героем.

- Прячь бычки, начПО идет.

- Где начПО? - встрепенулся я.

- Да вон. Он с курением борется. А так ничего дядька, простой.

Я рванул наперерез высокому подполковнику и спросил, нет ли нужды в специалисте редкой военной профессии.

- Что еще за профессия?

- Командир пишущей машинки.

- Где работал?

- Политотдел Мулинской учебки.

- Понял, - сказал начПО. - Где твоя партия? Стой там, я за тобой приду через полчаса.

- То есть…

- Да, ты уже служишь здесь. Поздравляю.

Все оказалось не просто, а очень просто. Я вернулся к своим, закурил и решил пока ребят не радовать тем, что дальше они двигаются без меня.

Тут появился моложавый и веселый капитан в лихо заломленной фуражке.

- Мужики, - сказал он. - На фига вам киснуть в этой Малиновке? Вы здесь миномета даже издали не увидите. А мы регулярно на технике работаем. И ездим стрелять на полигон. Рванули к нам в Белую Церковь! От Киева восемьдесят километров. Город чудесный, наша часть стоит на окраине. Кормежка отличная. А главное, сама часть особенная.

- Чем же? - спросили капитана.

- Кадрированная бригада прямого окружного подчинения. Всего сто пятьдесят человек. Разворачиваемся только по войне.

У нас тут же в мозгах дружно щелкнуло: чем меньше часть, тем меньше дедовщина. Армейский стереотип.

- Небольшой дружный коллектив, - заявил капитан, будто подслушав наши мысли. - В дивизионе меньше

тридцати солдат и сержантов. Батарея - шестеро. На шестерых - свой комбат, представляете? Я сам комбат.

Память моя не сохранила фамилию этого телепата, он нас отвез в ББМ и вскоре оттуда перевелся. Попался бы он мне через месяц за забором, я бы ему… Да ничего особенного, просто в глаза бы посмотрел.

- Поедем в Бригаду Большой Мощности!

Название части нас доконало. Работать на технике! Ездить стрелять на полигон! Жить на окраине города. Сто пятьдесят человек! У шестерых свой офицер! И тем не менее - стрелять! Мечта артиллериста.

АбрБМ, вот как это называется. Артиллерийская бригада большой мощности: два пушечных дивизиона, два минометных. Ну и пускай кадрированная, лишь бы боевая учеба, а не заборостроительство.

Я подхватил вещмешок. Прощай, Малиновка. Не повезло тебе.

Малиновского начПО я потом видел на зимнем полигоне. У подполковника был кунг-прицеп размером с троллейбус, но сам начПО и его люди носили шинели. Самоходчику это говорит многое, если не всё. Самоходчик в шинели вне зимней квартиры - не бывает. А я уже стал к тому дню самоходчиком до мозга костей, до опупения и изумления от себя самого. И порадовался, что не остался в Малиновке.

Я до сих пор в душе самоходчик. Боюсь, это не лечится…

Первое, что мы увидели, ступив на территорию Бригады Большой Мощности - непролазная грязь, развороченная глина, посреди которой стояла кольцевая скамья курилки. В курилке сидели люди в тельняшках и с головами, бритыми до блеска. Рожи у людей были широченные и страшенные.

Это были старшина четвертого дивизиона Шура Андрецов и его водитель Котарев. Обрились деды на «стодневку».

- Ага! - заорал Андрецов, углядев нас. - Дивись,

Котяра! Пушечное мясо приехало, трам-тарарам!

Котарев дико захохотал.

Мы немного призадумались.

Нас подвели к высокой казарме старинной постройки (как потом оказалось, дореволюционной). Откуда-то сверху раздалось: пух-пух-пух! Очередь из «Калашникова» 5,45, примерно в три патрона.

Мы задумались еще крепче.

В казарме было довольно уютно, тут люди жили, а не кантовались, в отличие от учебки. Но я сразу заметил, какими глазами на нас смотрят. Либо жадно-внимательными, либо испуганно-забитыми. И я навскидку, с первого взгляда, мог бы отличить старослужащего от молодого. По одним глазам.

Повели обедать. Столовая помещалась в величественном здании, наводившем на мысль о екатерининской эпохе (почти угадал). Кормили нормально, хотя после Мулинской учебки что угодно сошло бы за еду. С нами был молодой солдат, который раздал новичкам ложки, а после собрал их, пересчитал и отправился мыть.

- Что это значит? - спросили его.

- Это наши ложки, - ответил солдат. - У каждого дивизиона свои ложки. Не дай бог потеряешь.

- Что за пальба была наверху?

- Там десантники живут. Говорят, дух застрелился.

- А как тут вообще?

- Жопа. Вечером сами увидите.

К вечеру нас раскидали по дивизионам, но мы ничего особенного не увидели. К нам еще приглядывались.